

ОЧЕРКИ О К.С. АКСАКОВЕ

Представленные материалы подготовлены П.Г. Щедровицким в рамках проекта «Философия России XX века». Они служат для ознакомления с творчеством философа и для популяризации его работ. Еще одной задачей является сбор редких сведений о мыслителе и анализ малоизвестных тем его творчества.

Все материалы опубликованы на официальной странице П.Г. Щедровицкого в фейсбуке: <https://www.facebook.com/petr.shchedrovitskiy>

А также на официальной странице проекта ВКонтакте:
<https://vk.com/rusphilosophy>

В конце каждого очерка дается ссылка на соответствующий пост в фейсбуке, где, ко всему прочему, часто можно найти дискуссии по теме.

При цитировании или использовании материала упоминание источника обязательно. Все права защищены ©

Официальная страница проекта «Философия России XX века»:
<https://shchedrovitskiy.com/>

Вводный очерк.....	4
Очерк философии.....	6
Ломоносов в истории русской литературы.....	8
Ломоносов в истории русской литературы. Ч.2.....	11
Ломоносов в истории русской литературы. Ч.3.....	14
О древнем быте славян.....	17
Публицистика. Ч.1.....	20
Публицистика. Ч.2.....	23
Обозрение современной литературы. Ч.1.....	26
Обозрение современной литературы. Ч.2.....	29
О внутреннем состоянии России. Ч.1.	32
О внутреннем состоянии России. Ч.2.	35
О внутреннем состоянии России. Ч.3.	38
О современном человеке.....	41

ВВОДНЫЙ ОЧЕРК

«Какое внешнее непрочное величие и внешняя ненадежная сила могут сравниться с внутренним прочным величием, с внутреннею надежною силою? Внешняя сила может существовать, пока еще внутренняя, хотя и подрываемая, не исчезла. Если внутренность дерева вся истлела, то наружная кора, как бы ни была крепка и толста, не устоит, и при первом ветре дерево рухнет, ко всеобщему изумлению. Итак, внутреннее величие - вот что должно быть первою главною целью народа и, конечно, правительства»

К.С. Аксаков

Константин Сергеевич Аксаков родился 10 апреля 1817 г. в селе Аксаково Оренбургской губернии. Его отец, Сергей Тимофеевич Аксаков, был видным русским писателем, чиновником, литературным и театральным критиком. В 1826 г. семья Аксаковых переехала в Москву. В нач. 1830-х гг. Константин воспитывался в пансионе М. П. Погодина.

В 1832 году пятнадцатилетний Аксаков стал студентом словесного отделения Московского университета, на котором преподавали профессора Павлов, Надеждин, Победоносцев. В 1835 году он получил кандидатский диплом.

Обучаясь в университете, К. С. Аксаков стал участником кружка Станкевича. В это время он увлекался немецкой классической философией (прежде всего, Гегеля), влияние которой ещё долго ощущалось в его работах, даже в магистерской работе 1846 г. В 1837 г., в связи с отъездом Станкевича за границу, кружок распался и Аксаков сблизился с группой славянофилов: А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским, Ю. Ф. Самариним. В 1838 г. он ездил за границу, откуда вернулся через пять месяцев.

Ранние стихи К. С. Аксакова в это время уже появились на страницах «Телескопа», «Молвы», «Московского наблюдателя», «Отечественных записок», — часто под псевдонимом «К. Еврипидин». За стихотворениями последовали драматические произведения: драма «Освобождение Москвы в 1612 году», комедия «Князь Луповицкий», водевиль «Почтовая карета», пародия «Олег под Константинополем».

В 1846 г. было напечатано исследование Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», принёсшее ему степень магистра русской словесности. Диссертация была готова гораздо раньше, но цензура потребовала внести ряд изменений и перепечатать книгу.

После защиты магистерской диссертации К. С. Аксаков предполагал приступить к преподавательской работе, но в Московском университете вакансий не оказалось, и Аксаков посвятил себя литературному творчеству и публицистике. Он сотрудничал с журналом «Москвитянин» и «Русская беседа»; в «Русской беседе» он был одним из

наиболее деятельных сотрудников. С 1857 года был фактическим редактором газеты «Молва».

В 1855 г. он написал мемуары «Воспоминания студенчества 1832—1835 годов» (опубликованы с купюрами в 1862 году). В 1858 г. Аксаков был избран действительным членом Общества любителей Российской словесности.

Смерть отца губительно повлияла на его здоровье: лёгочная чахотка унесла его жизнь на ионическом острове Занте (Закинф) 7 декабря 1860 г. Был похоронен в московском Симоновом монастыре.

Основные работы:

«Олег под Константинополем», 1839 г.

«О некоторых современных собственно литературных вопросах», 1839 г.

«Записка о внутреннем состоянии России», 1855 г.

«Воспоминания студенчества (1832-1835)», 1855 г.

«Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням», 1856 г.

«Стихотворения», 1857 г.

и др.

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1348558878564339>

ОЧЕРК ФИЛОСОФИИ

«Человек создан от Бога существом разумным и говорящим. Деятельность разумной мысли, духовная свобода есть призвание человека. Свобода духа более всего и достойнее всего выражается в свободе слова. Поэтому свобода слова - вот неотъемлемое право человека»

К.С. Аксаков

Славянофильские идеи К.С. Аксакова разбросаны по его многочисленным статьям и заметкам. Он не написал обобщающей работы и не систематизировал свои взгляды. Поэтому особый интерес представляет попытка такой систематизации, заодно с общим анализом славянофильского подхода, представленная в работе В.В. Зеньковского «История русской философии». Приводим выдержки из работы:

«Константин Сергеевич Аксаков (1817 – 1860 г.) принадлежал сначала к кружку Н. В. Станкевича, с членами которого он всегда сохранял дружеские отношения. Но еще в студенческие годы Аксаков знакомится с философией Гегеля и со свойственной ему восторженностью становится гегельянцем – но без дани его раннему шеллингианству. По словам Чичерина, Аксаков был в это время убежден, что «русский народ преимущественно перед всеми другими призван понять Гегеля», – т. е. дать простор в себе самосознанию Абсолютного Духа... Вместе с Самариным, в это время тоже гегельянцем, Аксаков проповедует гегельянство в славянофильском его истолковании и применении.

В своей диссертации (о Ломоносове) равно как и в исторических и филологических работах, Аксаков остается очень вдумчивым и оригинальным мыслителем, – особый интерес представляет учение Аксакова о языке. Мы не будем входить: в изложение этого учения, в виду все же специального характера этих изысканий Аксакова, отметим лишь, что дух Гегеля действительно почил в исторических схемах и филологических размышлениях Аксакова. В различных его высказываниях мы выделим лишь то, что диалектически связано с основными темами русской философской мысли. Я имею в виду проблему личности – т. е. вопросы антропологии; хотя Аксаков здесь не внес ничего нового сравнительно с другими славянофилами, но у него есть свой собственный подход к этим вопросам.

Так же, как и Самарин, Аксаков видит пагубную двойственность в начале личности – она может идти путем самообособления, который будет вместе с тем путем саморазрушения, но может идти путем самоограничения, во имя высшего целого. Такой высшей инстанцией является уже община (русская), пламенным поэтом которой был Аксаков: «личность в русской общине, писал он, не подавлена, но только лишена своего буйства, исключительности, эгоизма... личность поглощена в общине только своей эгоистической стороной, но свободна в ней, как в хоре». Эта «хоровая» жизнь личности открывает перед ней ея особый путь (т. е. охраняет своеобразие личности, дает ему

простор), но подчиняет ее целому, как в хоре каждый певец поет своим голосом, но, подчиняясь задачам, которые выполняет хор в целом. Защищая свободу личности в пределах жизни целого (общины), Аксаков очень четко противопоставляет социальную сферу государственной; если первая есть ценное и подлинное восполнение личности, то второе наоборот чуждо внутренней жизни личности. С этой именно точки зрения Аксаков критикует западную культуру, в которой чрезмерное развитие государственности было связано с тем, что «правда», как начало внутреннее, выразилась в законе. «Запад потому и развил законность, писал Аксаков, что чувствовал в себе недостаток правды». «На Западе, писал он, душа убывает, заменяясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством; совесть заменяется законом, внутренние побуждения – регламентом...» Аксаков тем горячее защищал свободу человека, что идея свободы имела и для него не внешний смысл, а была связана с религиозным началом...

Прежде всего в славянофильстве с чрезвычайной силой возвращается русская мысль к религиозной, даже больше – к церковной установке. Сознавая всю внутреннюю логику секуляризма на Западе, славянофильство с тем большей настойчивостью утверждает положение, что неизбежность секуляризма на Западе была связана не с самой сущностью христианства, а с его искажениями на Западе. Отсюда горячее и страстное стремление найти в Православии такое понимание христианства, при котором не только отпадала бы возможность секуляризма, но наоборот все основные и неустранимые искания человеческого духа получали бы свое полное удовлетворение и освящение. Отсюда идет утверждение того, что весь «зон» западной культуры внутренне кончается, что культура отныне должна быть перестроена в свете Православия. Руководящую творческую силу для того все славянофилы видят в России.

Но не одна потребность вернуться к церковному мировоззрению определила построения славянофилов, – сюда приходит и многое из того, что зазвучало с полной силой именно в западном секуляризме. Позиция славянофилов в этом отношении не только не сливалась с традиционным церковным мировоззрением (как оно закрепилось в XVII – XVIII в.), но с полным сознанием она открывала новые пути в самом православном сознании. Это г. се связывалось с подлинной святоотеческой традицией, но в то же время и со всем тем ценным, что созрело в науке, в философии, вообще в культуре нового времени. Новый «эон» мыслился не как синтез Православия и западной культуры, но как построение нового культурного творческого сознания, органически развивающегося из самых основ православно церковной установки. Не без оттенка утопизма славянофилы жили верой, что все подлинные ценности Запада окажутся «уцелевшими», хотя на своих корнях они окажутся связаны совсем иной духовной установкой.

Возврат к церковной установке и ожидание новой культуры на ее основе и является тем важнейшим, что внесли славянофилы в работу русской мысли».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1349618601791700>

ЛОМОНОСОВ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«До Петра Великого мы были неразрывно соединены с отечеством, любили его; но любовь наша не была свободна, она была односторонняя; в ней был страх чужеземного; только через незнание, через отчуждение думали мы сохранить свою национальность; здесь была темная сторона, которая давала возможность поколебать самое чувство. Так и случилось. Петр вывел на свет, что таилось во мраке; обличил и поразил односторонность и был поворотной точкой»

К.С. Аксаков

В 1846 г. вышло исследование К.С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», которое принесло ему степень магистра русской словесности. Это исследование примечательно тем, что в нем Аксаков развивает одну из ранних версий славянофильской историософии. Он отмечает, что допетровский период характеризовался нерелексивной и односторонней любовью к Отечеству, в то время как послепетровский период характеризуется обратной односторонней любовью к Западу. По мнению русского мыслителя, наступает период синтеза, когда русские люди смогут принять и просвещение, и свою предшествующую традицию, и это происходит в том числе посредством открытия неизвестных сторон традиции. Аксаков пишет:

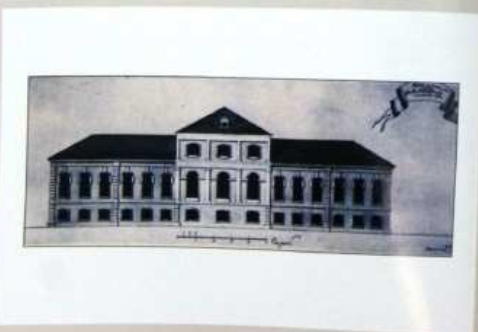
«История нашей литературы и тесно связанная с нею история языка до сих пор еще для нас предмет новый и почти неизвестный; у нас есть только некоторые указания, некоторые пособия, далеко не содержащие в себе исторических судеб нашей литературы, которая, должно сказать, до сих пор не возбуждала еще нашего настоящего ученого внимания. Но если до сего времени мы были развлечены посторонним, если, в продолжение столетия, влияние чуждое, необходимое следствие предыдущего периода, деспотически у нас господствовало, зато в настоящую минуту внимание наше обращено к судьбам отечества на всех путях, во всех выражениях его жизни. Энергически освобожденные Петром от оков исключительной национальности, пережившие период безотчетного подражания чуждому, наставший логически и необходимо непосредственно за предыдущим, — мы с полным сознанием, свободные от всякой возможной односторонности, возвращаемся к нашей истории, к нашей жизни, к нашему отечеству, нами снова приобретенному, и с большим правом, нежели прежде, называем его своим.

Просвещение Запада, нас некогда ослепившее и сначала так односторонне на нас действовавшее, не может уже у нас отнять его, ибо результатом этого просвещения, при настоящем его понимании, было необходимое сознательное возвращение к себе (Возвращение в смысле философском и потому не шаг назад, не отступление). В самой истине, нам открывшейся, нашли мы доказательство, сильную опору нашему народному чувству; мы поняли необходимость национальной стороны и в то же время ее значение и место. До Петра Великого мы были неразрывно соединены с отечеством, любили его; но любовь наша не была свободна, она была односторонняя; в ней был страх чужеземного; только через незнание, через отчуждение думали мы сохранить свою национальность; здесь была темная сторона, которая давала возможность поколебать самое чувство. Так и случилось. Петр вывел на свет, что таилось во мраке; обличил и поразил односторонность и был поворотной точкой. Время после Петра Великого являет новую односторонность, ужасную крайность, до какой когда-либо достигал народ: доходило до

того, что мы вовсе отрекались от нашей истории, литературы, даже языка. Столицей нашей стал город с чужим именем, на берегах чуждых, не связанный с Россией никакими историческими воспоминаниями. Это время новой односторонности, слепого отрицания памятно и нам; оно простирается даже до настоящей минуты; между прочим, отрицание от языка русского едва начинает утрачивать свою силу. Но теперь именно настает новый период; теперь союз наш с отечеством и ясная наша любовь к нему уже не имеет той односторонности, которая могла бы дать поколебать ее; не в удалении от иных стран, не в страхе ищет она опоры; нет, мы приняли в себя просвещение Запада, приняли его не даром и не боимся, чтобы оттого поколебался наш вновь возникший союз; односторонность исчезла, просвещение доводит всегда до истины; его сознательным путем дошли мы до необходимости национальной жизни, но не исключительной, как прежде, и уступая вместе влечению нашего чувства, никогда нас вполне не оставлявшего, мы возвращаемся, откинув далеко отчуждение предыдущего отрицательного периода, полные любви и разумного убеждения к отечеству, с которым союза нашего ничто уже расторгнуть не может: той прежней темной стороны в нем уже нет.

Вид на Императорскую Академию наук и набережную Васильевского острова в Петербурге. Гравюра середины XVIII в.

Дом Ломоносова в Петербурге, в котором он умер 15 апреля 1765 г.

Ода на вступление
 на путь наук
 в Академию наук
 в Петербурге
 1739

Всего в мире глупейшая
 вещь на свете есть человек
 который в себя возлагает
 надежду и в себя надеется
 и в себя верить начинает
 и в себя верить начинает
 и в себя верить начинает
 и в себя верить начинает

2
 Я слышу, как вы говорите!
 Пустынною будет земля,
 если не будет в ней наук!
 О, как вы правы!
 Ученый человек — это
 человек, который знает
 и в себя верить начинает

«Ода на вступление Ломоносова» М. В. Ломоносова. Автограф (1739)

Естественно, что в такое время, время уничтожения односторонности и оправдания всего действительного, мы обращаемся к памятникам нашей жизни в религии, истории, литературе, языке. Находясь прежде в первобытном непосредственном единстве сами с собою, могли ли мы понимать себя? Мы должны были оторваться сами от себя и вместе выйти из исключительной национальности, — и мы оторвались; мы долго, даже слишком долго находились в периоде отрицания, периоде также одностороннем, но также необходимом. Теперь же, когда мы понимаем эту односторонность, когда она кончилась (для сознания нашего, по крайней мере), одним

словом, в настоящее время, о котором говорили мы выше, внимание мысли нашей вообще обращено к жизни нашего отечества — мысли, сфере которой по преимуществу природна истина, ибо она, по существу своему, первая видит право и указывает настоящий путь. У нас нет недостатка в богатстве во всех отношениях; всюду встречаем мы жизнь бодрую, мощную, самобытную, богатую содержанием, совершающую стройно путь своего развития. Мы надеемся, что скоро в этом многие уверятся, на которых еще неизвестность наводит сомнение.

Предмет этого рассуждения — русская литература, и собственно одно, по преимуществу важное, историческое лицо ее — Ломоносов, лицо, с которым связано все ее предыдущее и последующее... Но самое слово "литература" требует определения, и, произнесши его, мы еще не сказали ничего положительного; границы нашего рассуждения оттого едва ли стали ясны. Это одно из тех несчастных слов, которые определяются через ограничение, стеснение извне. Такие слова сначала обнимают чрезвычайно много и потом мало-помалу лишаются своих значений, усекаемых одно за другим; объем их теснеет, и они доходят иногда до очень бедного круга понятий; и тут они не заключают в себе одного содержания (положим, с его возможными видоизменениями), их наполняющего, — нет, а впускают в себя по два, по три и более понятий, видимо только, близости ради, примыкающих друг к другу, и остаются лишенными единства настоящего значения. Слово "литература" имело такую же участь; начинается с определения, по которому сперва в литературу входит все, что только изображено буквами, но потом, найдя, что этим еще ничего не сказано, хотя по-видимому и очень много, начинают мало-помалу ограничивать теснее, отсекая одно значение от другого; является несколько литератур, доходят, наконец, до изящной литературы или до литературы собственно; в эту изящную литературу вместе с поэзией входит и красноречие, и историческое и ученое изложение. Таким образом пределы литературы произвольны и не тверды; нет основной мысли, из которой бы вытекало значение слова, органически, ясно, необходимо определенное и не принимающее в себя уже никакого постороннего, чуждого или лишнего понятия.

Итак, здесь дадим определение этому слову, определение, которое, вероятно, будет противоречить обычному его употреблению; но в таком случае спор будет только о словах: слово "литература" может служить условным выражением понятия, тем более что оно так разнó употребляется и так неверно и зыбко поставлено. Искусство вообще, и именно поэзия, как искусство в слове, переходя в действительность, осуществляясь, конкретизируется в отдельных произведениях и вместе у такого или другого народа. Таким образом, поэзия, как отвлеченная сила, обнаруживаясь в отдельных произведениях, является последовательно, исторически; эти произведения, в которых являясь поэзия дает себе действительность, в их исторической совокупности есть — литература; и так как человечество существует в действительности, как совокупность народов, то и литература принадлежит именно тому или другому народу. Разница между поэзией и литературой ясна. Поэзия есть искусство в слове, понимаемое само в себе, тогда как литература есть совокупность самих отдельных произведений в их исторической связи, в которых необходимо конкретизируется поэзия, находя в них свою действительность».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1352497944837099>

ЛОМОНОСОВ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ч.2.

«Всякое существенное явление в литературе есть необходимо исторический момент ее, но не всякое явление в литературе художественно; литературное явление может быть необходимым истинным явлением, и в то же время не иметь само по себе поэтического значения, может быть явлением чисто историческим. Поэзия и вообще искусство, в развитии своем, проходит такие исторические моменты, которые сами, по существу своему, должны выражать отсутствие искусства, и в то же время это моменты того же искусства; они являют, что отсутствует именно искусство; одним словом, они являют присутствие отсутствия его; таковы, например, моменты возникновения, перехода, упадка»

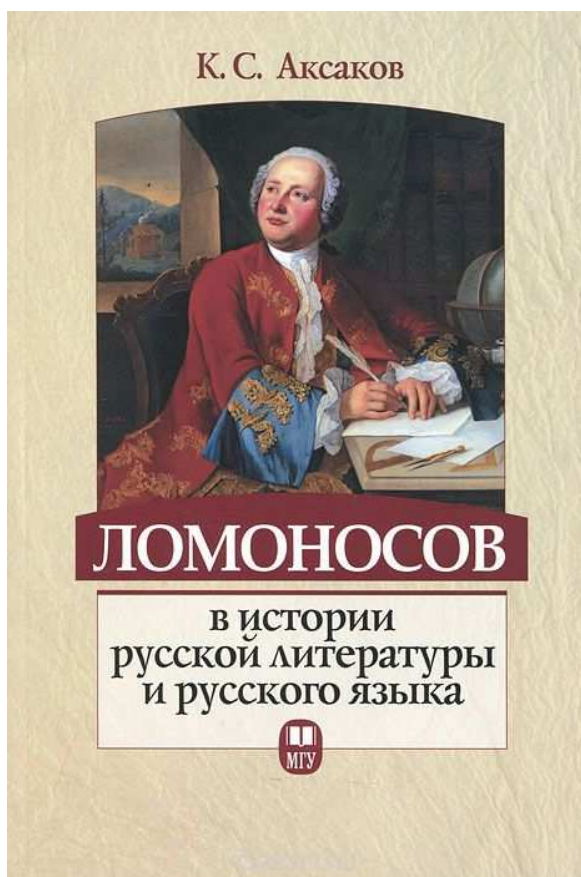
К.С. Аксаков

Первый раздел работы К.С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846) посвящен теории соотношения поэзии и литературы. В рассуждения русского мыслителя чувствуется сильное влияние немецкого идеализма, в особенности философии Гегеля. Приводим выдержки из работы:

«Поэзия, конкретируясь в своем развитии, является в отдельных произведениях, совокупность которых понимаем мы под словом: литература; это развитие поэзии совершается в них последовательно, конкретируя в них свои моменты; история такого развития есть история литературы. Итак, если все они, эти отдельные явления — осуществление поэзии, то поэзия есть то общее, которое соединяет, содержит их, как свои явления поэтические. Мы видим здесь общее, представляющее в совокупности своих явлений; это общее переходит в явления, следовательно, отрицает себя как общее, как чистое общее, и вместе с тем не теряет, а находит себя и сохраняет в совокупности своих отдельных явлений, следовательно, при отрицании себя как чистого общего. Связь явлений с общим понятна, необходима; то, что является отдельно, уже содержится в общем и, следовательно, может выразить только это общее и вместо себя, ибо оно в нем содержится. С другой стороны, общее, чтобы быть, явиться, должно непременно не быть общим, а быть явлением, следовательно отречь себя как общее, — выразиться в явлении, в котором оно выражает необходимо и себя, ибо это его явление, его необходимое условие осуществления; и так: общее, — явление_ — не что иное собственно, как только моменты развития одного и того же. В законе развития лежит причина и объяснение значения и отношений этих моментов, переходение общего в явление или отрицание общего, как общего. Это переходение общего в явление, это полное конкретирование совершается необходимо в живом законе развития, условии всего. <...>

Искусство, деятельность духа в одной из абсолютных его сфер, и именно поэзия, искусство в слове (предмет нашего внимания), как поэзия вообще, не существует и, следовательно, отрицает себя как поэзию вообще и переходит от общего в область особенности. Здесь является бесконечное множество произведений поэзии на этой степени, произведений, как необходимое отрицательное движение, вытекших из самой поэзии, и которых она себя не находит; ибо всякое отдельное, особое произведение в поэтической сфере уже по существу своему отрицает поэзию, как общее. В этом отрицании поэзия исчезает; ибо здесь отрицает она себя только как поэзию вообще; другого условия нет, и потому всякое отдельное только произведение имеет право здесь

явиться, и поэтому нет конца произведениям. Мы должны помнить, что не говорим здесь о неопределенном общем; мы берем определенную, абсолютную деятельность духа, мы говорим о поэзии как общем, следовательно, в отрицании, из нее истекающем, необходимо является, что это отрицание поэзии (а не чего-нибудь другого), ибо это есть ее движение, и всякое явление, всякое произведение в ее сфере должно быть запечатлено ее характером, должно носить отпечаток ее духа, результатом движения которого оно возникает. Всякое произведение значит как отдельное: не-общее; и именно здесь: не-общее — поэзия, не поэзия вообще.

Итак, с первым отрицанием поэзии мы находимся в области отдельных поэтических произведений, в которых теряется поэзия. На всякий случай приведем пример, который, надеемся, уяснит нашу мысль: трагика не является как трагика вообще; для того, чтобы явиться, она должна отречь себя как общее; тогда она является как трагедия, которая, каждая, есть отрицание трагики как общего; но в этом отрицании общего, в этой сфере не-общего, особого, общее себя не находит. Трагика в своем отрицании, как общего, отрицании, которое выразилось как множество трагедий, не находит себя; здесь является еще только определение трагики как не-общего, по которому всякая особая трагедия (ибо всякая особая трагедия исполняет это требование) может явиться — и нет конца их числу. Но выразилась ли в этом определении поэзия-трагика, находится ли она здесь? В таком случае каждая трагедия была бы уже произведением искусства, произведением изящным. Неужто же трагедия уже потому произведение

искусства, что она трагедия; разве не может быть плохой трагедии? С этим спорить нельзя, и так это показывает, что это определение особенности еще недостаточно для поэзии, что явление трагедии, как отдельного произведения, есть только отрицание трагики (ибо мы взяли ее в пример) вообще. Дело в том, что в этой области особенности является только видимым, что отрицание совершается в сфере трагики или вообще поэзии; что здесь, следовательно, только принадлежание к сфере поэзии; что, следовательно, в области, которая есть только отрицание поэзии как общего, нет еще поэзии; что в этом определении особенности (как простом только отрицании поэзии как общего) поэзия теряется. Но отрицание поэзии есть отрицание в ее же сфере; это ее же необходимое движение; итак, степень, ее не удовлетворяющая, не может оставаться; поэзия проходит ее, идет далее, она отрицает свое отрицание, отрицает особенность и переходит в область единичности, отрицает бесчисленное количество отдельных произведений искусства, которые только потому произведения искусства, что суть произведения в области искусства, — к единому произведению, значащему для себя, мгновенно отрывающемуся от всего множества, исчезающего перед ним, произведению, имеющему индивидуальный смысл и достоинство, — здесь поэзия вновь себя находит.

Это отрицание совершается на предыдущем определении, единое возникает из множества; итак, отдельность произведений, грозившая поглотить поэзию, на себе приняла это новое отрицание, и только условила его; из области, особенности, из множества произведений возникло единое произведение, в сфере единичности. Здесь находим мы вновь поэзию, совокупляющую свои моменты, поэзию, прошедшую через отрицание себя, через особенность, через отдельность произведений и вновь нашедшую себя в сфере единичности, в едином произведении, отрекшем особенность и вместе ею условленном, — произведении, которое значит для себя и с которым уже, не как отвлеченное общее, является поэзия конкретно в присутствии всех своих моментов. Мы можем повторить пример, нами приведенный, и провести его дальше. Трагическая поэзия как общее не существует; она отрицает, следовательно, себя как общее и является как трагедия; все произведения трагики имеют потому только смысл, что они произведения трагики, что они не трагика вообще, следовательно, трагика в особенности, в своих явлениях — трагедии; но, как сказано выше, в трагедиях еще нельзя найти поэзии трагической потому только, что они в ее сфере; трагедия еще не поэтическое трагическое произведение, потому что она только трагедия в трагедиях, одна из трагедий.

Итак, трагическая поэзия отрицает эту степень, в которой "только трагедии", отрицающие ее как общее; отрицает, следовательно, множество, и множество бесконечное, ибо здесь степень дает равное право проявляться всем возможным произведениям и доходить до единого, - прямого отрицания всей предыдущей области, которая вся исчезает перед единым (имеющим индивидуальное значение), следовательно, носящим в себе невозможность того движения, многообразия, невозможность повториться. Единое значит само для себя; как отрицание, вытекшее из предыдущей сферы, оно имеет ее на себе как момент; таким образом, трагическая поэзия, как таковая, как общее, отрицая себя до трагедии (особности), от трагедий опять (особности) отрицает себя до трагедии (единичности), в которой находит она вновь сама себя, и выражается вполне таким образом, в присутствии всех своих моментов. Так как об этом было уже говорено и в другом месте и другими словами, то мы думаем, что не нужно пояснять еще более слова наши. История развития искусства оправдывает этот взгляд».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1353421841411376>

ЛОМОНОСОВ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ч.3.

«Ломоносов был первый индивидуум, возникший в истории нашей литературы и начавший собою новый ее период. Он оторвал русский язык от исключительной национальности и поставил существенные, истинные отношения между ним и церковнославянским, ввел язык в высшую сферу и дал ему там самобытное место, право гражданства. Вот великий подвиг, осуществляющий в себе великое значение Ломоносова!»

К.С. Аксаков

В работе «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846) К.С. Аксакова приводит рассуждения о месте Ломоносова в истории русской литературы. По его мнению, в ранний период русская поэзия была национальной, после Петра же началась новая жизнь народа, и он нуждался в новой поэзии. Создателем такой новой формы явился Ломоносов, который осуществил переход от периода национальных песен к периоду литературы. Приводим рассуждения Аксакова:

«Во весь период исключительной национальности русского народа поэзия была на степени национальных песен; вся же духовная жизнь, общее, недоступное тогда народу, таилась в области языка церковнославянского. Но этот период кончился; исключительное определение нации пало, и перед народом открылась новая жизнь; вместе с движением народа, с освобождением его от оков национальности, должна была и поэзия перейти из тесной сферы национальных песен в другую, высшую, в сферу литературы и, идя путем своего исторического развития, в котором она осуществляется, выразить то, что лежит в существе ее, что составляет развитие самой поэзии, — от особенности перейти к единичности. Мы считаем ненужными здесь дальнейшие объяснения, ибо выше было об этом говорено подробнее. Но Петр, уничтожив национальную сферу и переведя народ в другую, не мог сделать того для поэзии, то не могло зависеть от его деятельных рук. Уничтожив исключительную национальность народа, он давал с этим возможность его поэзии развиваться, перейти на другую степень, или лучше это было необходимым следствием его великого дела, но не он сам мог произвести это.

Народ был освобожден от сферы национальности; поэзия, бывшая верным отражением его только жизни, не могшая уже быть тем, — поэзия не могущая вместе с тем уже сохранить в чистоте всю ту форму национальной песни, ложную в своем исключительном притязании, — поэзия, лишившаяся своей прежней жизни, должна была ожить к новой прекрасной жизни, для полного своего развития. Но не внешняя сила могла перенести ее в эту сферу; в ней самой должна была возникнуть новая деятельность; из недр ее самой должен был явиться новый гений, перенесший ее в новую область. Здесь должен был восстать индивидуум, поглощаемый до сих пор исключительно национальной сферою поэзии, выразившей народ, как нацию, где индивидуум имел постольку значение, поскольку он нация; должен был возникнуть индивидуум в сфере поэзии, с именем, — автор, поэт; должен был явиться гений, с которым совершилось бы это освобождение, гений, для нового великого момента в истории поэзии. Он должен был превратить сферу национальных песен, не уничтожая, а возвышая тем народ, ввести поэзию в новую область, определенную выше, дать ей общее содержание и вместе освободить каждое произведение, которое получает уже отдельное для себя значение, — одним словом, окончить, разрешить период, уже потерявший свою действительность —

период национальной песни, и начать новый период — литературы. Индивидуум должен был возникнуть в сфере поэзии. Этот индивидуум, этот гений был — Ломоносов.

Итак, вот его место в истории русской литературы; вот великое его в ней значение, как момента. Он кончил период национальных песен и начал новый период, ввел в новую сферу поэзии. Ломоносов был автор, лицо индивидуальное в поэзии, первый восставший, как лицо из этого мира национальных песен, в общем национальном характере поглощавших индивидуума; он был освободившийся индивидуум в поэтическом мире; с него началась новая полная сфера поэзии, собственно так называемая литература: этот подвиг ему принадлежит.

Нам, может быть, скажут, что Кантемир был прежде Ломоносова, но Кантемир не имел никакого значения; он нисколько не вытекает из истории нашей литературы, на которую он и не имел влияния. Что же касается до того, что он является с именем, то мы уже упомянули, что известность имени еще ничего не значит и может произойти случайно от внешних причин; надобно, чтобы имя было не на произведении, но в произведении, если будет понятно такое выражение. Здесь мы можем сказать, что произведения принадлежали Кантемиру, но в отношении поэтическом мы не видим их запечатленными его личностью, его как автора. Кантемир был острый человек, что выражается в его сочинениях, и больше ничего; он был человек посторонний в нашей литературе; деятельность его в ней не была действительна. Самое то, что он известен, как сатирик, свидетельствует его отрицательное

отношение к русской литературе. Во время Петра Великого, время сокрушения старого, могло возникнуть такое направление, одностороннее и не животворное, порожденное одною стороною великого дела. Итак, о Кантемире больше говорить не будем; острота его нравилась Феофану Прокоповичу, который, может быть, был склонен несколько и сам к сатирическому, насмешливому направлению, — и он написал к нему послание, начинающееся:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый!

Что касается до новых форм поэзии, то не здесь находим мы осуществляющимся значение Ломоносова, не смотрим на него как на первого их вводителея; они известны были и до него. Кантемир писал сатиры и оды. Драмы, конечно, в самом грубом их виде, мы находим еще прежде у Симеона Полоцкого, у св. Димитрия Ростовского; сама царевна София Алексеевна была драматической писательницей. К нам пришло это вместе с чужеземным католическим направлением с юга из Киева, где всякий выходящий из Академии должен был написать драму; мы знаем, что и Феофан Прокопович и Стефан Яворский не избежали этой участи. Так формы поэзии, формы вненациональной песни, были известны нам и до Ломоносова; но они были известны только со своей внешней стороны; все эти произведения поэзии уже не национальной, но поэзии литературной, существовали у нас только по форме, что еще ничего не значит; все это

было только свидетельством того, что национальная сфера поэзии не могла уже обнимать всего, не была уже действительностью и должна была разрешиться, чтобы перейти к новой сфере, что, следовательно, возникла потребность новой жизни; это совершалось в то время — последнее время до Петра — и в государстве, о чем говорили мы выше. Наконец явился Ломоносов, и вместе с ним начался у нас новый период поэзии; на национальных песнях воздвигалась собственно так называемая литература».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1354331791320381>

О ДРЕВНЕМ БЫТЕ СЛАВЯН

«Основа русской общины вполне истинна; личность признается в ней в своей свободе, но не в произволе своем; она не терпит в общине лишь во лжи своей, в эгоистическом своем бунте; тогда она бывает исключается или сама себя исключает из общины»

К.С. Аксаков

Представляют интерес взгляды К.С. Аксакова на древний быт славян и его связь с современным социальным устройством. Эта тема рассматривается в статье «О древнем быте славян вообще и русских в особенности на основании обычаев, преданий, поверий и песен» (1852). Аксаков рассматривает религиозные представления, а также быт русского народа. По его мнению, славянское язычество основывалось на вере в Верховное Существо и тем самым предчувствовало приход христианства. Брак был делом общественным, а не частным. А фундаментом русской общины являлась свобода человеческой личности, но не ее «произвол». Приводим рассуждения Аксакова:

«Язычество русского славянина было самое чистое язычество, было, как сказали мы, при веровании в Верховное Существо, постоянное освящение жизни на земле, постоянное ощущение общего высшего смысла вещей и событий. Следовательно, верование темное, неясное, готовое к просвещению и ждавшее луча истины...»

При своих верованиях славяне русские образовали жизнь свою; они поняли значение общины, они ощущали чувство братства, чувство мира и кротости и многие общественные и личные добродетели. - Их игра: хоровод, круг - образ братской общины. Так жили они в чаянии христианства.

Наконец, явился бессмертный свет Веры Христовой, - и язычник, удержавшийся от идолопоклонства, не загромоздивший понятие свое определениями лжи, в награду легко и свободно принял христианство и крестился, как младенец. В его душе не было ни кумиров, ни богов, ни языческих воспоминаний, не было определенной, огрубелой лжи. Но отныне, узнав истинного Бога, он глубоко и навсегда наполнился истиной учения Спасителя. Совершились чаяния кроткого и неясно веровавшего язычника. На добрую почву упало святое семя и возросло во благе, на земле между народами явилась Святая Русь.

История показывает, какой свет проник всю жизнь и существо русского народа с принятия христианства и как вера христианская стала его неотъемлемым благом души, его силою и суц<еством>. С другой стороны, понятно, что слабость языческого значения дала возможность удержаться прежним обрядам, в которых христианин не видел ни богов, ни языческой веры, в которых наиболее высказывались общинные веселия, общинная жизнь; а если и было легкое языческое значение, оно исчезло как тень с принятием христианства, и осталось только значение игр и общности. Иначе смотрело прежде духовенство, знавшее язычество по преданию других языческих народов, оно думало и здесь его видеть и восставало против этих игр, даже против качелей; но оно ошибалось, и теперь, слава Богу, против этого оно не восстает...

Брак в народе русском не был делом частным, но делом общественным. Вся община принимала в нем участие; с ее приговора, на ее глазах совершался брак. Из этого

не следует, чтобы она стесняла браки, но как скоро брак затевался, то он уже был делом, в котором принимала участие целая община, соизволяя на него и свидетельствуя о нем. - В эту минуту жених и невеста, или новобрачные, были на первом плане и потому назывались князем и княгиней, община становилась около них, как около князей, в порядке, со всеми степенями власти, какие окружали князя, здесь являлись дружки, тысяцкий, даже бояре и потом дворяне; поезд бывал многочислен и часто имел величественный вид, как прилично князю. - Воображаемый князь, для большей ответственности своему званию, приезжал как бы из далекой земли; проезд его с пышным поездом принимал характер требования; отсюда понятно <выражение>: "Быть роду да полоненному, всему роду покоренному". - Князь встречал препятствия. Минута, страшная для девушки, отдалялась таким образом от нее. При значении семьи как общины кроме согласия отца и матери требовалось еще согласие братьев, членов семьи; истребование этого согласия и составляло препятствия, замедляющие брак. - Кнут или плетка, игравшая роль на свадьбах, не имела значения побоев и даже власти; она была необходимым атрибутом и знаком всадника, каким являлся князь и весь его поезд (конь от кон - верх, конный, и от верха, верхом - верховой).

При глубоком уважении к женщине у славянских народов девушка была наиболее уважаемое, лелеемое существо. - Это было какое-то целепривилегированное сословие, не знавшее ни труда, ни заботы, знавшее лишь игры да песни, лишь счастье молодости и красоты. Понятно, почему вступление в брак, хотя бы он совершался при согласии со стороны девушки, казалось для девушки так страшно. В браке, в который она вступала, начиналась для нее забота и труд, жизнь действительная с хлопотами и нуждами. Понятно и прощание девушки-невесты с подругами и подруг с нею. Она отстает от их веселого общества, от их полку, покидает их беззаботную жизнь. "Кто у нас изменница? - поют они, - кто изменяет нам; у нас не были изменницы, прелестницы" и проч. - Коса есть, бесспорно, первая красота женщины, и она так понималась славянами; коса была первою красотою девушки, предметом первой ее заботы; она была на виду и составляла необходимую отличительную особенность девического образа, ее право и знамя; "Коса девичья краса", - говорит пословица.

При таком значении девушки в жизни славянской вспомним еще тот важный и глубокий взгляд, который был на брак у славян; вспомни древние повествования о целомудрии их жен, наконец, святое значение веры, освятившее брак, возвестившее его как таинство, и мы пойдем, как должна была задумываться и плакать девушка, как бы ни любила она своего жениха, приступая к такой великой минуте, которая всей жизни ее даст другой вид и с которой начнется для нее труд и забота жизни. И точно, брак носит у нас название суда Божьего (наше переобразованное общество утратило это название, как и все серьезное в жизни. Брак у нас дело легкое, забава, и наши женщины резвятся больше девушек).

Забавы, игры девичьи, как и должно, оканчивались со вступлением в брак; красота ее, манившая к себе всех добрых молодых, теперь для одного существует, избравшего ее и избранного ею.

Понятно теперь, почему прощается девушка с красотою своею, олицетворяя ее поэтически и передавая подруженькам; понятно, почему прощается она и расстаётся с косой своей, символом и лучшим проявлением женской красоты, которая уж не будет густою длиною прядью падать с ее головы или одевать ее всю покрывалом, упاداющим до пят, но ляжет на ее голове и покроется женским убором.

Основа русской общины вполне истинна; личность признается в ней в своей свободе, но не в произволе своем; она не терпит в общине лишь во лжи своей, в эгоистическом своем бунте; тогда она бывает исключается или сама себя исключает из общины. Артель есть росток, который пустила от себя община. До Петра система Руси истинна».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1356024681151092>

ПУБЛИЦИСТИКА. Ч.1.

«Нужно признать всякую народность, из совокупности их слагается общечеловеческий хор. Народ, теряющий свою народность, умолкает и исчезает из этого хора. Поэтому нет ничего грустнее видеть, когда падает и никнет народность под гнетом тяжелых обстоятельств, под давлением другого народа»

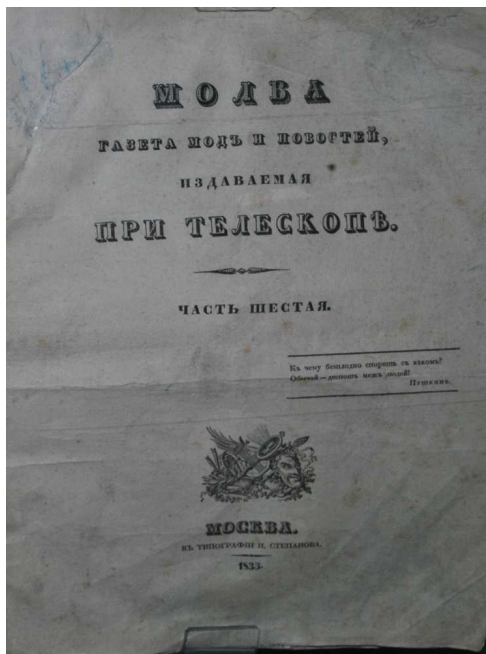
К.С. Аксаков

Значительную часть литературного наследия К.С. Аксакова составляют публицистические статьи, посвященные разным темам. В качестве примера приводим две небольшие статьи из газеты «Молва», написанные в 1857 г. Первая из них посвящена проблеме отношения к России, а вторая – теме народности.

«Россия!.. Какие разные ощущения пробуждает это имя в целом мире. Россия, в понятии европейского Запада, это варварская страна, это страшная, только материальная сила, грозящая подавить свободу мысли, просвещение, преуспеяние (прогресс) народов. Для азиатского Востока Россия - это символ грозного величия, возбуждающего благоговение и невольно привлекающего к себе азиатские народы. Для Америки имя России знаменует крайнюю ей противоположность, но в то же время самобытное, юное государство, которому, вместе с нею, принадлежит будущность мира. Еще иначе отзывается это великое имя в сердцах и греческого и славянского народов. Оно возбуждает в них ничем непобедимое сочувствие единоверия и единоплеменности и надежду на ее могущественную помощь, на то, что, в России или через Россию, рано или поздно прославит Бог, перед лицом всего света, истину веры православной и утвердит права племен славянских на жизнь общечеловеческую.

Но как отзывается это драгоценное имя в нас самих? Россия... это имя отзывается разное и в сердцах русских людей. Исключаем простой народ: он и Россия - одно, он есть разумная стихия России. Мы говорим о себе, о так называемых образованных или преобразованных русских. Разно звучит имя России и в их сердцах... Одни говорят, что Россия создана Петром, что она начала жить человеческой жизнью только полтора столетия назад, что до Петра это была какая-то грубая, дикая масса, представляющая одно брожение без мысли, не имевшая в себе своих задатков жизни, своих начал, своего пути и стремления, шатавшаяся из стороны в сторону, что над этим хаосом раздалось повелительное слово Петра: "Да будет!", что по мановению державного Преобразователя, Россия восприняла жизнь, заимствованную им от западной Европы. Вся история допетровская является, в глазах их, чем-то ненужным, годным лишь для возвеличения дел Петровых. Другие, напротив, думают, что Россия допетровская имела (не могла не иметь) свои начала, свой путь, свое стремление, что эти древние начала суть залог ее преуспевания в будущем, что живая связь с стариною, с преданием необходима, что, лишенное корня, дерево не приносит плодов, а может только походить на те детские игрушечные деревья, на ветвях которых натыканы плоды, созревшие на иных живых ветвях, что такие наружные украшения не прочны и могут веселить только детские взоры, что для своего просвещения, для оживления и преуспевания (прогресса) Россия должна обратиться не к формам конечно, но к своим древним основным началам, к жизненным сокам корней своих: это уже невозможно для срубленного дерева, но для человека, и следовательно народа, это возможно.

Вследствие такого двойного понимания, являются и два направления, оба желающие блага России, но разное ее понимающие, - направления, между которыми идет борьба мысли, в той или другой умственной сфере, широко охватывая собою и быт, и язык, и историю и все области разумной жизни человека. Одно направление известно под неточным именем: Западного, другое под неточным именем: Славянофильского. Всем сердцем отвергая первое направление, всем сердцем следуем второму»

***

«Народность есть личность народа. Точно так же, как человек не может без личности, так и народ без народности. Если же и может встретиться человек без личности, на род без народности, то это явление жалкое, несчастное, бесполезное и себе и другим. Личность не только не мешает, но она одна и дает возможность понять вполне и свободно другого человека, другие личности. Так точно и народность одна дает возможность народу понять другие народности. Где исчезает она, там исчезает, материально или нравственно, сам народ. Народность это есть живая, цельная сила, имеющая в себе нечто неуловимое, как жизнь

И дух, и творчество художественное, и природа человеческая, и даже природа местная, все принимает участие в этой силе. Народная песня, как бы ни была она доступна всему остальному человечеству, все-таки отзовется чем-то особенным в душе того человека, для которого она своя народная песня.

Иные скажут: народность ограничена, в ней может быть исключительность. Но исключительность есть уже злоупотребление. Для того, чтобы избавиться от народной исключительности, не нужно уничтожать свою народность, а нужно признать всякую народность.

Да, нужно признать всякую народность, из совокупности их слагается общечеловеческий хор. Народ, теряющий свою народность, умолкает и исчезает из этого хора. Поэтому нет ничего грустнее видеть, когда падает и никнет народность под гнетом тяжелых обстоятельств, под давлением другого народа. Но в то же время, какое странное и жалкое зрелище, если люди не знают и не хотят знать своей народности, заменяя ее подражанием народностям чуждым, в которых мечтается им только общечеловеческое значение!

Каждый народ пусть сохраняет народный облик (физиономию): только тогда будет иметь он и человеческое выражение. Неужели же захотят сделать из человечества какое-то отвлеченное явление, где бы не было живых, личных народных черт? Но если отнять у человечества личные народные краски, то это будет бесцветное явление, до которого можно прийти только через искусственное собрание правил, под которые народ должен подводить себя, стирая притом свою народность. Это будет уже своего рода официальное, форменное, казенное человечество. По счастью, оно невозможно, и идея его может явиться только как крайняя, и притом нелогическая отвлеченность в уме человеческом.

Нет, пусть свободно и ярко цветут все народности в человеческом мире; только они дают действительность и энергию общему труду народов.

Да здравствует каждая народность!»

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1358948770858683>

ПУБЛИЦИСТИКА. Ч.2.

«Народ есть та великая сила, та живая связь людей, без которой и вне которой отдельный человек был бы бесполезным эгоистом, а все человечество - бесплодной отвлеченностью»

К.С. Аксаков

Продолжаем рассматривать публицистическое наследие К.С. Аксакова. Следующие две статьи опубликованы в газете «Молва» в 1857 г. Они посвящены проблеме народности и общинности, и Аксаков пытается в них кратко сформулировать свою славянофильскую позицию. Он пишет:

«Народ есть та великая сила, та живая связь людей, без которой и вне которой отдельный человек был бы бесполезным эгоистом, а все человечество - бесплодной отвлеченностью. Разъединяющий эгоистический элемент личности умеряется высшим началом живого союза народного, другими словами: великодушием общинного элемента. В общинном союзе не уничтожаются личности, но отрекаются лишь от своей исключительности, дабы составить согласное целое, дабы явить желанное сочетание всех. Они звучат в общине, не как отдельные голоса, но как хор.

Община, этот высший нравственный образ человечества, является в несовершенном виде на земле. Христианство осватило и просветило общину, дотоле неясно сознаваемую или предчувствуемую народами. И община стала идеалом недостижимым, к которому предстоит вечно стремиться. Уже великая заслуга в том, как скоро поставлен такой идеал, и к нему стремятся. Невозможность достигнуть полного осуществления общины на этой земле не должна останавливать. Нельзя быть совершенным христианином, но дело человека вечно стремиться к этому идеалу.

Начало общины есть, по преимуществу, начало славянского племени и в особенности русского народа давшего ему кроме слова "община" (вполне русскую, но несколько книжного) иное, жизненное наименование: МИР.

В народе необходима самодеятельность. Нравственный подвиг народа совершается всем народом. Странно было бы, в этом случае, разделение народа на ведущих и ведомых. Точно: иным дается сила вразумления, а другим сила внимания; но это не люди распределяют, а Провидение. К тому же внимающий не есть белая бумага, которая не знает и не судит о том, что на ней пишут. Внимающий много дает вразумляющему, он нередко вдохновляет его. И говорящий и слушающий делают одно общее дело: один разумно передавая, а другой разумно принимая, их связует одна общая идея, переходящая от одного к другому и выравнивающая их. Та же связь в более частном виде существует между писателем и читателем, как было это высказано печатно в одном русском журнале в начале прошедшего года. Лишь дары Провидения не передаются, а истина - достояние общее. Но дары, скрытые некоторое время, могут раскрыться. Внимающий, как скоро пробуждается в нем дар слова, становится вразумляющим. Из этого взаимного беспрепятственного обмена мыслей, из переменного даяния и принятия, слагается общий нравственный подвиг народа»

***

«Простой народ есть основание всего общественного здания страны. И источник вещественного благосостояния, и источник внешнего могущества,

источник внутренней силы и жизни, и наконец мысль всей страны пребывают в простом народе. Отдельные личности, возникая над ним, могут, на поприще личной деятельности, личного сознания, служить с разных сторон делу просвещения и человеческого преуспеяния; но тогда только и могут они что-нибудь сделать, когда коренятся в простом народе, когда между личностями и простым народом есть непрерывная живая связь и взаимное понимание.

Находясь на низшей ступени лестницы житейской, вне всяких почестей и наружных отличий, простой народ имеет за то великие блага человеческие: братство, цельность жизни и (так как мы, говоря о простом народе, разумеем русский) быт общинный.

Напрасно думают, что простой народ есть бессознательная масса людей. Если бы это было так, то он был бы то же, что неразумная стихия, которую можно направлять в ту и в другую сторону. Нет, простой народ имеет глубокие, основные убеждения - условие существования для всей страны. Защищая эти убеждения, он, точно, в силе своей равняется стихии; но это стихия разумная, имеющая нравственную волю; это стихия только по дружному, цельному своему составу и действию. Есть прекрасное выражение на Руси для такого проявления народной силы: **СТАЛИ ВСЕ, КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК.** Русская история показывает нам, как глубока и тверда основа веры в русском народе, как отстаивал он святость своих православных убеждений.

Напрасно также думают, что простой народ есть какой-то слепой поклонник обычая, что он, перед чем бы то ни

было, рабствует духом. Правда, он не представляет легкого подвижного явления, то в ту, то в другую сторону направляемого ветром; как все истинное и действительное, он крепок на ногах и не шатается из стороны в сторону, он понимает, что предание, что преемство жизни есть необходимое условие жизни: он связует, поддерживает, а не рвет нить жизни, идущую из прошлого в будущее. Простой народ есть страж предания и блюститель старины; но в то же время он не есть слепой раб ее.

Да и было же время, когда старина была новизною. Простой народ принимает новое, но не скоро, не легкомысленно, не из презрения к старине, не из благоговения к новизне. То, что он примет, примет он самобытно, усвоит прочно и перенесет в свою жизнь. Легкомысленные личности, для которых жизнь есть непрерывный маскарад, или убеждения которых, если и постоянные, не имеют корня в самой стране и плавают в какой-то отвлеченной атмосфере, как ошибаются они, принимая обдуманность народа, его мерный и верный шаг, среди прыгающих и бегущих около него, отдельных личностей, за какую-то неподвижность, или, по крайней мере, за косность. Это показывает только, что народа не понимают. У нас же, в России, неохота, недоверчивость, с какой принимает новое, имеет свою историческую причину, свое законное оправдание.

Но, начавши говорить: "простой народ", мы потом стали говорить, "народ". Это не случайно и не без причины, ибо простой народ точно, есть ПРОСТО НАРОД, или народ собственно.

Слово "народ" употребляется в двояком смысле, или оно означает всех, в союзе народном живущих, без различия сословий и в таком случае соответствует более слову "нация", или же оно означает простой народ, низшее сословие, которое есть народ собственно. Понятно и законно употребление этого слова и во втором случае. Простой народ не имеет никаких отличий, никакого другого звания, кроме звания человека и христианина, а потому и зовется или ЧЕЛОВЕКОМ, во множестве ЛЮДЬМИ (в летописи людие; впоследствии слово "люди" получило свое особое значение), или КРЕСТЬЯНИНОМ, то есть христианином, или же, наконец, народом, что также есть имя кровного, но еще более духовного союза человеческого. Вот причина, по которой название народа остается преимущественно за низшим сословием.

Итак, у простого народа нет никаких отличий или титулов, кроме звания человеческого или христианского. О, как богата эта бедность! И, стоя на низшей ступени, как высоко стоит он!

Нося звание только человека, только христианина, он, с этой стороны, есть идеал для всего человеческого и христианского общества.

Как скоро верхние классы смотрят на свои отличия и преимущества (хотя и не во зло употребляемые) не как на причину гордости и превосходства над другими, но как на требуемые временем, порожденные несовершенством мира сего, явления, как скоро, забывая о них, чувствуют в себе только человека и христианина, - тогда становятся и они народом.

У нас значение простого народа имеет свою особую сторону, ибо он только и сохраняет в себе народные истинные основы России, он только и не разорвал связь с прошедшим, с древней Русью. Часто гордо смотрят на него люди так называемого образованного или светского, русского общества, пренебрегают им, называют его мужиками, обратив это слово в брань. Красуясь над ним и высоко на него поглядывая, они забывают, что только простой народ составляет условие их существования...».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1359834404103453>

ОБОЗРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ч.1.

«Самобытное мышление, сознание самих себя, сознание русского начала жизни, выразившейся в народности, в общественности, в истории, в языке и т.д., сознание, достигаемое изучением нашего прошедшего вообще и настоящего в простом народе, - вот наше дело; оно пробуждает в нас вновь русского человека, так долго спавшего»

К.С. Аксаков

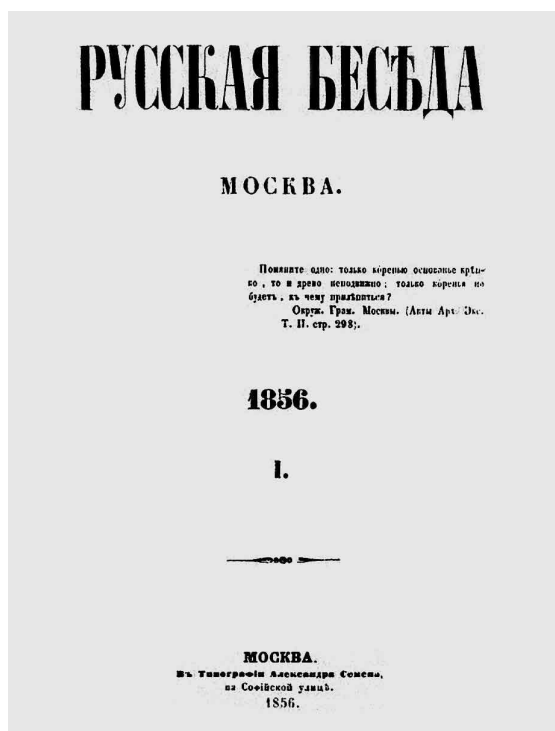
В 1857 г. вышла статья К.С. Аксакова «Обозрение современной литературы». В этой работе Аксаков проанализировал творчество Фета, Некрасова, Тургенева, Григоровича, Писемского и др. Кроме того, он представил свой взгляд на феномен русской литературы, на причины ее возникновения и этапы развития. Эта часть статьи представляет наибольший интерес. Приводим выдержки из работы:

«Полтора года тому назад, когда в России тяжелый труд самобытного дела заменялся легким и веселым трудом подражания, тогда и литература возникла у нас на тех же условиях, то есть на покорном перенесении на русскую почву, без вопроса и критики, иностранной литературной деятельности. Подражать легко, но для самостоятельного духа тяжело отказаться от самостоятельности и осудить себя на эту легкость, тяжело обречь все свои силы и таланты на наиболее удачное перенимание чуждой наружности, чужих нравов и обычаев. Несмотря на то, дело, хотя и не вполне, удалось. Вольность нравов европейского Запада, новые средства к удовлетворению личного эгоизма, наконец блестящая сторона европейского просвещения и уже готовая, чужими руками изготовленная, умственная пища, которую, казалось, оставалось только глотать, - все это подействовало, и от самостоятельности в России отказались, впрочем, только верхние классы. У них-то явилась и новая наша литература.

Возникшая в эпоху западноевропейского классицизма, заемная литература наша служила ему верным отражением. Европейский классицизм был в свою очередь безжизненное поклонение древнему миру, который Европа поняла по-своему и который мы поняли по-европейски. Эта классическая литература Европы, подражая древнему миру, уже лишённому жизни, была неподвижна: переменались только авторы, различие являлось только в их личных талантах. Наша послушная литература, вдвойне подражательная, была в ту эпоху тоже неподвижна. В таком положении оставалось дело до Карамзина. Между тем в европейской литературе произошел переворот; призрак классицизма, хранимый преимущественно во Франции, разлетелся, литература европейская двинулась своим путем. В это время в русской литературе явился Карамзин. Карамзин уничтожил это двойственное подражание и предложил лучше подражать самой Европе. Тяжесть двойных оков была крайне неудобна, и с радостью вняла наша литература гласу нового деятеля, нового подражателя. С этой эпохи, с Карамзина, литература наша, наоборот, сделалась подвижна в высшей степени, ибо элемент подражания был не классицизм европейский, а сама Западная Европа, в совокупности всех своих народов. Подражать было здесь гораздо легче, приятнее и интереснее, - и вот дело пошло живее. Переимчивость составила с этих пор характеристику нашей литературы. Достаточно этой быстроты перемен для того, чтобы оценить и понять смысл и достоинство нашей словесной деятельности. Мы знаем, что серьезный и самобытный ход иначе движется, что, при глубине общего основания, нелегко отделяются от одного убеждения и принимают другое. Но литература наша -

собрание чужих форм, разных отголосков, и только. Вот почему так быстро меняются формы, не утвержденные на прочной мысли; вот почему беспрестанно переливаются отсветы и отблески, лишенные собственного света и блеска. Таланты, разумеется, у нас есть; но мы говорим не об отдельных талантах, а об общем ходе литературы, которого не изменяют и таланты...

Теперь скажем прежде о том отделе литературы, в котором самое слово, по форме своей, уже принадлежит поэзии, т.е. о стихах, о языке богов, как называли их в старину.

Для поэта необходима полнота жизни, гармония в нем самом, некоторое, так сказать, самодовольство. Это не значит, чтобы поэт не гремел иногда проклятиями на целый мир, чтоб сам он не мучился разными внутренними муками; напротив, поэт часто страдает и терзается, плачет и проклиная; но в нем есть полное наслаждение художественностью своего проклятия и своих слез. Стих гармонически разрешает его муку; перед ним не стоит нерешенный вопрос, неотступный, не дающий ему покоя, мешающий писать стихи. Поэт верит в искусство, поэт знает, что ему сказать, будет ли это слово утверждения, сомнения или отрицания: везде для него находится неизменная художественная красота и наслаждение поэзии. Все это можно назвать внутренним чувством гармонии, проходящей тайно сквозь всякий разлад, или чувством самодовольства, если не дико покажется это слово.

Такова по-своему была прежде и русская поэзия. Поэты верили в поэзию, благоприобретенную ими от Западной Европы, писали искренно на чужой лад, и стихи писались звучно, весело, а публика с наслаждением слушала и повторяла их. Все эти условия необходимы для того, чтоб писать было можно. Общая отвлеченность и неправда всей заемной жизни не была понимаема, а разве только смутно чувствовалась немногими; напротив того, все казалось ясно; так было весело, я сладко, и легко служить постоянным и достойным отзвучием великим поэтам Европы: Байрону, Шиллеру, Гёте. Долго неумолчная гармония стихов не переставала раздаваться в России. Но в настоящее время зашевелились вопросы. Появилось сомнение, хорошо ли то подражательное направление, которому так долго и беззаботно мы следовали? Отвлеченность, неестественность всего строя общественной, иностранно постановленной, жизни нашей более или менее почувствовалась; пробудилась мысль о русской самостоятельности, и все, что мыслит в России, задумалось. С наших глаз стала спадать одна пелена за другою. Мы стали замечать, что вся умственная и литературная деятельность наша есть только повторение деятельности чуждой, лишена самобытности и... бесплодна. Мы стали понимать, что нам необходимо, конечно, принимать от соседей наших дельные сведения и науки, как необходимо приобретать все новейшие открытия и изобретения (так было и встарь на Руси), но что это заимствование может быть полезно только при своей самостоятельной умственной жизни; а догадливое перенимание чужих мыслей не есть еще самобытная деятельность ума. Мы заметили, что мы все перенимали, даже то, чего не следует, чего

нельзя перенимать без совершенной утраты самостоятельности: перенимали мы образ мыслей, восторги, негодования, самую жизнь. Мы заметили, что жили чужим заемным умом, и догадались, что это не жизнь. Где же жизнь?

Этот вопрос, эта потребность, а следовательно, и возможность жизни, жизни настоящей, самобытной, в нас пробудилась. Вместе с тем, как бы в ответ на вопрос, внимание наше обратилось ко всем самобытным проявлениям русской жизни, к древней истории, к обычаям народным, к устройству народной общественности, к языку, ко всему, в чем высказывается Русь. Хотя и здесь различны точки зрения, хотя раздражительный взгляд и здесь еще думает удержаться, но уже образовалось целое направление, в сущности очень простое, направление, основанное на том, что русским надо быть русскими, другими словами, что без самостоятельности умственной и жизненной - все ложно. Если самостоятельности в нас нет и быть не может, то подобная истина для нас бесполезна, и нас не восстановить духовно. Если же у нас есть самостоятельность и только лишь подавлена или спит, то достаточно сознания в ее необходимости, чтоб она пробудилась сама. Поднят огромный вопрос для русских людей, вопрос: быть или не быть? Быть собою - для человека не значит быть».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1360818337338393>

ОБОЗРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ч.2.

«Известен анекдот о математике, который, выслушав изящное произведение, спросил: что этим доказывается? Как ни странен этот вопрос в приведенном случае, но есть эпохи в жизни народной, когда при всяком, даже поэтическом, произведении, является вопрос: что этим доказывается? Таковы эпохи исканий, исследований, трудовые эпохи постижения и решения общих вопросов. Такова наша эпоха»

К.С. Аксаков

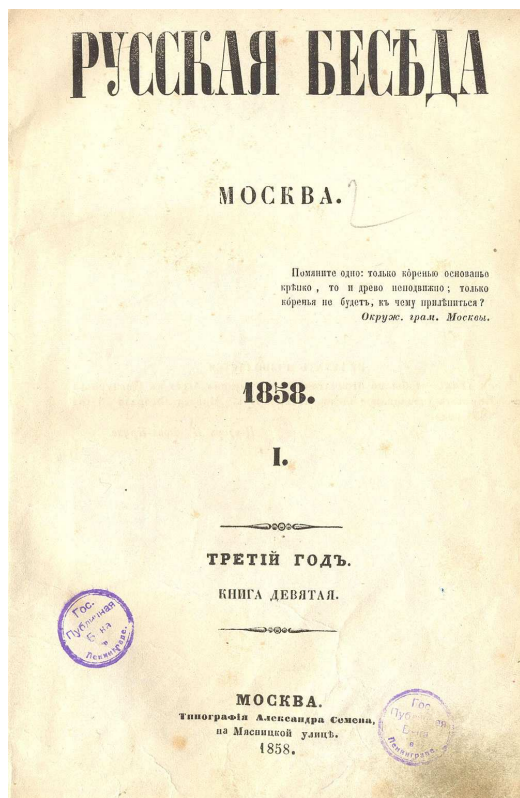
В статье «Обозрение современной литературы» (1857) К.С. Аксаков рассматривает творчество писателей 1840-1850-х гг. и приходит к выводу, что этот период является скудным в литературном плане. Аксаков связывает это с тем, что предшествующий период был основан на заимствованиях и переработках подходов зарубежной литературы, а новый период, в который должна созреть по-настоящему народная литература, еще не наступил. Аксаков пишет:

«Кроме поэтов-стихотворцев, которых число, как и число их произведений, очень ограничено, есть писатели-прозаики, тоже поэты, ибо сочиняют изящные произведения. Скажем здесь вообще об этой современной литературе, предоставляя себе ниже сказать особо о писателях, значительных по таланту.

Повести, романы и комедии в прозе читаются больше стихотворений, ибо тут есть описание всенедней жизни да еще анекдотический интерес, который так любезен праздному любопытству. Эта лукавая изящная проза продержится долее, чем откровенный стих. Впрочем, дурных повестей не найдешь теперь ни за какие деньги; все повести не дурны: в том-то и беда. Читаешь: есть как будто и занимательность, и как будто что-то вроде характеров, и слог не дурен, и даже как будто есть мысль; но все это одни призраки. Прочтешь: никакого впечатления не осталось: повесть или комедия забывается, как ничего не принеся: ни мысли, ни образа, достойного утвердиться в душе после чтения; если же и встречаются кой-какие исключения, то они редки и отличаются от прочих повестей тем, что впечатление остается несколько дольше. Эти недурные повести не могут занять ни мысли, ни чувства. Представьте себе человека, который и не глуп и не умен, который обо всем имеет поверхностное понятие, говорит гладко - ничего не скажет, кажется умным по наружности, не будучи таким на самом деле, между тем имеет весь лоск приличия, так что даже никаким нечаянным оригинальным движением не выкажет себя самого и не отличится от других: согласитесь, что такой господин невыносимо скучен; всякая положительная глупость интереснее. Наши современные недурные повести, романы и комедии сильно похожи на означенного господина.

Один из современных писателей (г. Авдеев) задал себе как-то очень искренний вопрос, на который он сам не нашел что отвечать: "Для чего мы все пишем?" В самом деле, господа, для чего вы пишете? Для чего пишут многочисленные авторы недурных повестей и романов? Немолчной потребности творческой в них не видно. Мысли, которой в жертву приносится вся жизнь и которая стремится высказаться везде, повесть ли это или драма, или другое сочинение, - такой мысли в них неприметно. Что заставляет их писать? А Бог их знает. Настоящей побудительной причины, кажется, нет. Мы не спросили бы, конечно, Гоголя, для чего он пишет. Великий художественный

гений, попавший в наше нехудожественное время и болезненно несший тяжесть его бремени, он, окруженный толпой микроскопических последователей, все свое литературное поприще проживающих одной какой-нибудь его фразой, одним оборотом его речи, - он стремился сказать нам многое, что нужно в это время вопросов и сомнений. Мы не спросим людей ученых, зачем они пишут? Они трудятся над решением великого вопроса русской жизни, как бы ни решали его розно. Но не можем не повторить вопроса многим, выступившим наружу, современным литераторам: для чего они пишут?

Как бы то ни было, как бы ни хлопотали гда писатели, они бессилием своим создать что-нибудь - доказывают, что миновала их эпоха. Чаша прежней поэзии выпита; на дне теперь остается один отсед. Будем же иметь мужество правды и скажем: да, минула эпоха отвлеченной литературы, во всем обширном смысле этого слова; минула она еще ощутительнее в смысле более частном, в смысле литературы изящной, и минула она всего явственнее в том отделе изящной литературы (как и должно быть), который наиболее, самую форму свою, принадлежит художественным произведениям: то есть в отделе собственно так называемой поэзии, в отделе стихов. Что касается до произведений изящных в прозе, то здесь кипит еще целый рой немощных писателей, набежавших со всех сторон на опустевшее поприще. В области же стихотворства, даже и во внешнем смысле, становится пусто; стихотворения редки, в них нет поэтической искренней веры; бывают в них и мысль высока и стих силен, но стих и мысль не

сливаются в одно цельное звучное созданье, и они не останавливают на себе общего внимания, по крайней мере, надолго. Хоть и жестка правда, а сказать ее надо. Отвлеченный стихотворный период, начавшийся с Кантемира и в особенности с Ломоносова, давший много прекрасных, поэтических, хотя отвлеченных, не народных созданий и продолжавшийся до сих пор, - стихотворный период в России окончился.

Бог с ним, с этим временем, временем отвлеченной и заемной умственной деятельности! Хорошо, что мы уже понимаем его ложность. Лучшие былых самообольщений, лучше заемной неискренней, чуждой родной почве поэзии - наше строгое не поэтическое время. Когда и как явится опять поэзия, какой образ примет она, будет ли она чем-то невиданным, вновь ли поэтическое произведение будет принадлежать, как песня, всему народу: это связано с жизнью, и этого решить мы пока не беремся. Во всяком случае, прежняя отвлеченная поэзия прошла; новой, действительной и народной, - еще нет.

В наше время поэтическое произведение, хотя написанное с талантом (ибо таланты всегда возможны), может быть только средством, одним из способов для выражения той или другой мысли. Известен анекдот о математике, который, выслушав изящное произведение, спросил: что этим доказывается? Как ни странен этот вопрос в приведенном случае, но есть эпохи в жизни народной, когда при всяком, даже поэтическом, произведении, является вопрос: что этим доказывается? Таковы эпохи

исканий, исследований, трудовые эпохи постижения и решения общих вопросов. Такова наша эпоха.

Все ли понимают великий вопрос, предстоящий теперь русскому человеку? Не все его понимают, но все испытывают его присутствие; одни сознательно идут к разрешению вопроса или стоят перед ним в недоумении; на других отразился он отсутствием прежней деятельности, скукою, апатиею.

В области науки именно заметно у нас много полезной деятельности, которая должна дать богатые и живые плоды. Наука первая пробует свои силы и старается выйти из отвлеченности и подражательности, старается встать на свои ноги. Всего более чести в наше время ученым занятиям, предмет которых Россия со всех сторон. Изыскания, исследования, преимущественно по части русской истории и русского быта, должны по-настоящему быть делом всякого русского, равнодушного к вопросу мысленной и жизненной самобытности в России; это личный вопрос каждого из нас. Общее дело России должно быть частным делом каждого русского.

Мы уже сказали о стихах и выразились вообще о прозаической изящной словесности. Но теперь надобно поговорить подробнее о тех писателях-прозаиках, которые выдаются из толпы. На поприще литературы имеется у нас много писателей с талантом, которые пишут, действуют, как будто защищая права литературы в современной эпохе, но которые не в силах остановить хода истории и всюю массою, вместе с самою ареною увлекаются потоком времени. Кроме того, в них самих, как в писателях (мы говорим о писателях с талантом), в их произведениях обозначается, однако, ход, направление времени, историческая задача».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1361769313909962>

О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ РОССИИ. Ч.1.

«Земля Русская поручила свою защиту государству, в лице государя, да под сенью его поживет она тихое и благоденственное житие. Отделив себя от государства, как защищаемое от защищающегося, народ, или земля, не хочет переходить рубежа, им же положенного, и желает, для себя, не правления, но жизни, разумеется, человеческой, разумной: что может быть истиннее, мудрее таких отношений!»

К.С. Аксаков

Славянофильские взгляды К.С. Аксакова довольно подробно изложены в записке «О внутреннем состоянии России» (1855), адресованной Александру II. В этой работе Аксаков на протяжении двенадцати глав рассуждает о внутренних проблемах России, о характере русского народа, об отчужденности власти от народа, о чаяниях народа и др. Приводим мысли Аксакова на тему соотношения государства и народа:

«Чего же хочет Русский народ для себя? Какая же основа, цель, забота его народной жизни, если нет в нем вовсе политического элемента, столь деятельного у других народов? Чего хотел наш народ, когда добровольно призывал Варяжских князей "княжить и володеть им"? Что хотел он оставить для себя?»

Он хотел оставить для себя свою не политическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт, - жизнь мирную духа.

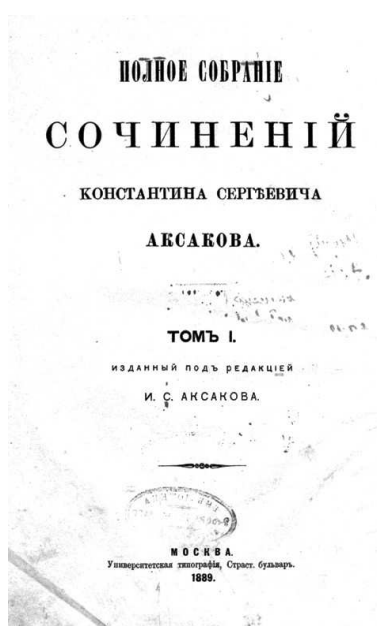
Еще до христианства, готовый к его принятию, предчувствуя его великие истины, народ наш образовал в себе жизнь общины, освященную потом принятием христианства. Отделив от себя правление государственное, народ Русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству давать ему (народу) возможность жить этою общественною жизнью. Не желая править, народ наш желает жить, разумеется, не в одном животном смысле, а в смысле человеческом. Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной, - народной жизни внутри себя. Как единый, может быть, на земле народ христианский (в истинном смысле слова), он помнит слова Христа: воздайте кесарева кесареви, а Божия Богу; и другие слова Христа: Царство Мое несть от мира сего; и потому, представив государству царство от мира сего, он, как народ христианский, избирает для себя иной путь, - путь к внутренней свободе и духу, к царству Христову: Царство Божие внутри вас есть. Вот причина его беспримерного повиновения власти, вот причина совершенной безопасности Русского правительства, вот причина невозможности никакой революции в Русском народе, вот причина тишины внутри России.

Это не значит, что русский народ состоит из праведников. Люди Русского народа грешны, ибо человек грешен. Но основания Русского народа истинны, но верования его святы, но путь его прав. Всякий христианин грешен, как человек, но путь его, как христианина, прав.

Это не значит также, что правительство, власть от мира сего, заграждает, по свойству своему, путь христианский тем лицам, на которых возлежит правительственная власть. Подвиг человека и христианина возможен для каждого лица правительственного, как для человека и христианина. Подвиг общественный для

правительства заключается в том, что оно обеспечивает для народа нравственную жизнь и блюдет его духовную свободу от всяких нарушений. Высокий подвиг совершает тот, кто бодрственно стоит на страже храма в то время, как в нем совершается богослужение и воссылается общественная молитва, - стоит на страже и отстраняет всякое враждебное нарушение от этого молитвенного подвига. Но сравнение это еще недостаточно полно, ибо правительство отделяется от общественной, не правительственной, жизни, - как устройство: всякое же отдельное правительственное лицо может, как человек, принимать участие в народной, не государственной жизни.

Итак, Русский народ, отделив от себя государственный элемент, предоставив полную государственную власть правительству, предоставил себе жизнь, свободу нравственно-общественную, высокая цель которой есть: общество христианское.

Хотя слова эти не требуют доказательств, - ибо здесь достаточно одного пристального взгляда на Русскую историю и на современный Русский народ, - однако можно указать на некоторые, особенно яркие выдающиеся черты. - Такою чертою может служить древнее разделение всей России, в понимании Русского человека, на государство и землю (правительство и народ), - и оттуда явившееся выражение: государево и земское дело. Под государевым делом разумелось все дело управления государственного, и внешнего и внутреннего, - и по преимуществу дело военное, как самое яркое выражение государственной силы. Государева служба доселе значит в народе: служба военная. Под государевым делом разумелось, одним словом, все правительство, все государство. Под земским делом разумелся весь быт народный, вся жизнь народа, куда относится, кроме духовной, общественной его жизни и материальное его благосостояние: земледелие, промышленность, торговля. Поэтому людьми государевыми или служилыми назывались все те, которые служат в государственной службе, а людьми земскими - все те, которые в государственной службе не служат и составляют ядро государства: крестьяне, мещане (посадские), купцы.

Замечательно, что и служилые и земские люди имели свои официальные наименования: служилые люди, в просьбах государю, напр., назывались его холопами, от первого боярина до последнего стрельца. Земские люди назывались его сиротами; так писались они в своих просьбах государю. Именования эти вполне выражали значение и того и другого отдела или класса. Слово холоп получило у нас теперь унижительное и почти бранное значение, но первоначально оно значило не более, как слуга; холоп государев значило: слуга государев. Итак, весьма понятно, что служилые люди назывались слугами государевыми, слугами начальника государства, к кругу деятельности которого они принадлежали. Что же значило слово сирота? Сирота, на русском языке, не значит orphan, ибо часто о родителях, лишившихся детей, говорят, что они осиротели. Следовательно, сиротством выражается беспомощное состояние; сирота есть беспомощный, нуждающийся в опоре, в защите. Понятно отсюда, почему земские люди называются сиротами. Земля нуждается в защите государства, и, называя его своим защитником, называет себя нуждающимся в защите или его сиротою. Так, в 1612 году, когда еще не вступал на престол Михаил Федорович, когда государство еще не было восстановлено, земля называла себя сиротою, безгосударною и скорбела о том.

Также, как доказательство тех же основ Русского народа, можно привести мнение поляков, современников 1612 года. Они с удивлением говорят, что Русский народ только и толкует, что о вере, а не о политических условиях.

Итак, земля Русская поручила свою защиту государству, в лице государя, да под сенью его поживет она тихое и благоденственное житие. Отделив себя от государства, как защищаемое от защищающегося, народ, или земля, не хочет переходить рубежа, им же положенного, и желает, для себя, не правления, но жизни, разумеется, человеческой, разумной: что может быть истиннее, мудрее таких отношений! Как высоко призвание государства, стремящегося обеспечить народу жизнь человеческую, мирное и безмятежное житие, вытекающее из нравственной свободы, преуспевание в христианском совершенствовании и разработку всех талантов, данных от Бога! Как высоко стоит откинувший от себя всякое честолюбие, всякое стремление к власти мира сего, и желающий не политической свободы, а свободы жизни духовной и мирного благосостояния! Такой взгляд есть залог мира и тишины, и таков взгляд России, и только России. Все иные народы стремятся к народовластию».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1367373216682905>

О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ РОССИИ. Ч.2.

«При потере взаимной искренности и доверенности все обняла ложь, везде обман. Правительство не может, при всей своей неограниченности, добиться правды и честности; без свободы общественного мнения это и невозможно. Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать, и неизвестно, до чего дойдут. Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров. Взятничество и чиновный организованный грабеж - страшны. Это до того вошло, так сказать, в воздух, что у нас не только те воры, кто бесчестные люди: нет, очень часто прекрасные, добрые, даже в своем роде честные люди - тоже воры: исключений немного. Это сделалось уже не личным грехом, а общественным; здесь является безнравственность самого положения общественного, целого внутреннего устройства»

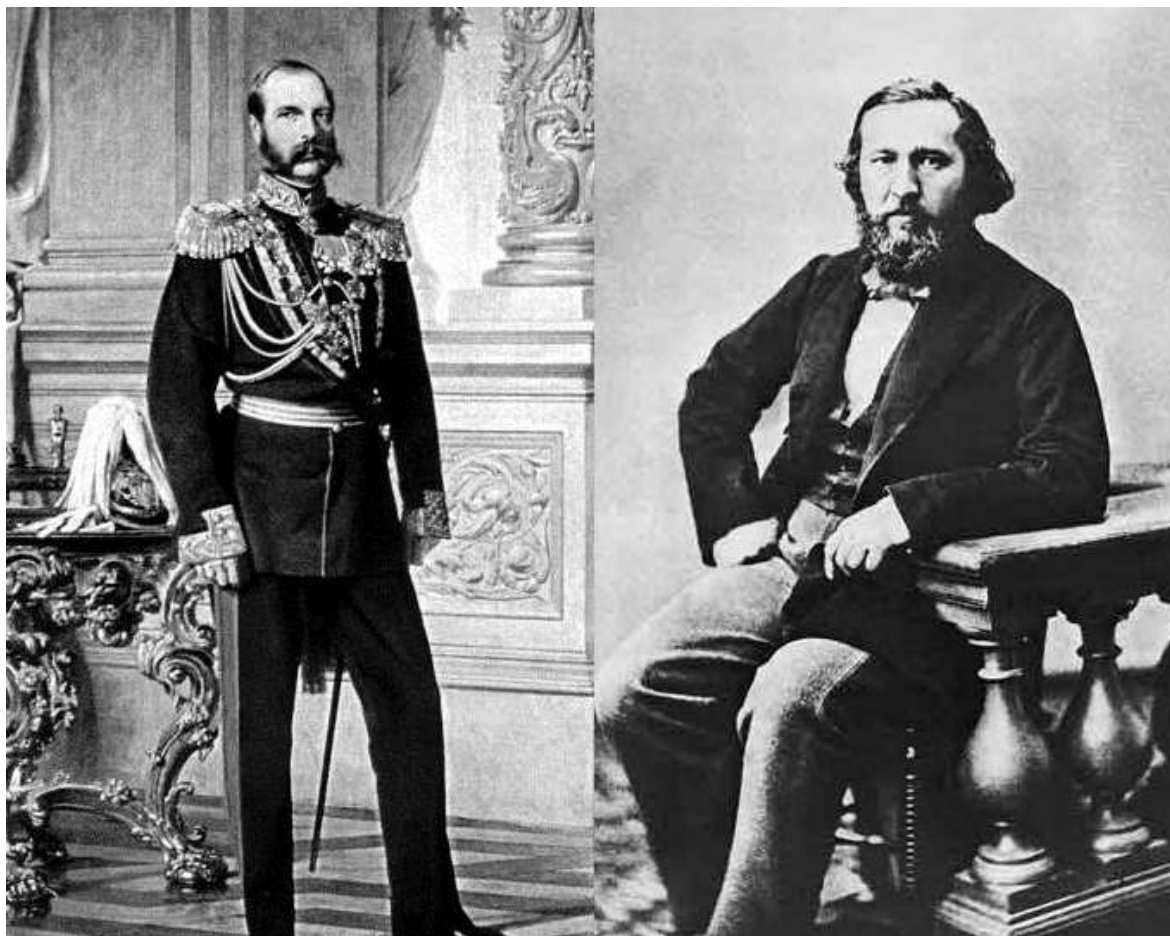
К.С. Аксаков, 1855 г.

Продолжаем рассматривать записку К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» (1855), адресованную Александру II. Одна из важнейших тем, которую затрагивает Аксаков, касается современного состояния общества. Русский мыслитель характеризует это состояние как «внутренний разлад, прикрываемый бессовестною ложью». По его мнению, всё зло происходит от угнетательной системы правительства, угнетательной относительно свободы мнения и свободы нравственной; что же касается свободы политической, то на нее у русского народа нет притязаний. Аксаков видит выход в том, чтобы наладить связь между правительством и народом. Приводим выдержки из работы:

«Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестною ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. Не только не спрашивается мнения народа, но всякий частный человек опасается говорить свое мнение. Народ не имеет доверенности к правительству; правительство не имеет доверенности к народу. Народ в каждом действии правительства готов видеть новое угнетение; правительство постоянно опасается революции и в каждом самостоятельном выражении мнения готово видеть бунт; просьбы, подписанные многими или несколькими лицами, у нас теперь не допускаются, тогда как в древней России они-то и были уважены. Правительство и народ не понимают друг друга, и отношения их не дружественны. И на этом-то внутреннем разладе, как дурная трава, выросла непомерная, бессовестная лезть, уверяющая во всеобщем благоденствии, обращающая почтение к царю в идолопоклонство, воздающая ему, как идолу, божескую честь...

Все зло происходит главнейшим образом от угнетательной системы нашего правительства, угнетательной относительно свободы мнения, свободы нравственной, ибо на свободу политическую и притязаний в России нет. Гнет всякого мнения, всякого проявления мысли дошел до того, что иные представители власти государственной запрещают изъявлять мнение, даже благоприятное правительству, ибо запрещают всякое мнение. Они не позволяют даже хвалить распоряжения начальства, утверждая, что до одобрения подчиненных начальству дела нет, что подчиненные не должны сметь рассуждать и даже находить хорошим то или другое в своем правительстве или начальстве. К чему же ведет такая система? К полному безучастию, к полному

уничтожению всякого человеческого чувства в человеке; от человека не требуют даже того, чтоб он имел хорошие мысли, а чтоб он не имел никаких мыслей. Эта система, если могла успеть, то обратила бы человека в животное, которое повинуется не рассуждая и не по убеждению! Но если бы люди могли быть доведены до такого состояния, то неужели найдется правительство, которое предположит себе такую цель? - Тогда в человеке погиб бы человек: из чего же живет человек на земле, как не из того, чтобы быть человеком, в возможно полном, возможно высшем смысле? Да и к тому же люди, у которых отнято человеческого достоинство, не спасут правительства. В минуты великих испытаний понадобятся люди, в настоящем смысле; а где оно тогда возьмет людей, где возьмет оно сочувствия, от которого отучило, дарований, одушевления, духа, наконец?

Но доведение людей до животного состояния не может быть сознательной целью правительства. Да и дойти до состояния животных люди не могут; но в них может быть уничтожено человеческое достоинство, может отупеть ум, огрубеть чувство, - и, следовательно, человек приблизится к скоту. К тому ведет, по крайней мере, система угнетения в человеке самобытности жизни общественной, мысли, слова. Такая система, пагубно действуя на ум, на дарования, на все нравственные силы, на нравственное достоинство человека, порождает внутреннее неудовольствие и уныние. Та же угнетательная правительственная система из государя делает идола, которому приносятся в жертву все нравственные убеждения и силы. "Моя совесть", скажет человек. "Нет у тебя совести, - возражают ему, - как смеешь ты иметь свою совесть? Твоя совесть - государь, о котором ты и рассуждать не должен". - "Мое отечество", скажет человек. "Это не твое дело, - говорят ему, - что касается России - до тебя, без дозволения, не касается, твое отечество - государь, которого ты и любить свободно не смеешь, а которому ты должен быть рабски предан". - "Моя вера", скажет человек.

"Государь есть глава Церкви, - ответят ему (вопреки православному учению, по которому глава Церкви - Христос). - Твоя вера - государь". "Мой Бог", скажет, наконец, человек. "Бог твой - государь; он есть земной Бог!"

И государь является какою-то неведомою силою, ибо об ней и говорить и рассуждать нельзя и которая между тем вытесняет все нравственные силы. Лишенный нравственных сил, человек становится бездушен и, с инстинктивною хитростью, где может, грабит, ворует, плутует.

Эта система не всегда обнаруживается ярко и откровенно; но внутренний смысл ее, но дух ее таков и нисколько не преувеличен.

Велика внутренняя порча России, порча, которую лесть старается скрыть от взоров государя; сильно отчуждение правительства и народа друг от друга, которое также скрывают громкие слова рабской лести. Вторжение правительственной власти в общественную жизнь продолжается; народ заражается более и более, и общественное развращение усиливается в разных своих проявлениях, из которых взяточничество и служебное воровство стало почти всеобщим и как бы делом признанным. Тайное неудовольствие всех сословий растет...

Прямое целение на современное зло, возникшее в России, - это понять Россию и возвратиться к русским основам, согласным с ее духом. Прямое целение против болезни, порождаемой противоестественным для России образом действий, - это оставить противоестественный образ действий и возвратиться к образу действий, согласному с понятиями, с существом России.

Как скоро правительство поймет Россию, так оно поймет, что всякое побуждение к государственной власти противно духу Русского народа; что страх какой-нибудь революции в России есть страх, не имеющий ни малейшего основания и что множество шпионов распространяют около себя только безнравственность; что правительство неограниченно и безопасно именно по убеждению Русского народа. Народ желает для себя одного: свободы жизни, духа и слова. Не вмешиваясь в государственную власть, он желает, чтоб государство не вмешивалось в самостоятельную жизнь быта его и духа, в которую вмешивалось и которую гнело правительство полтора года лет, доходя до мелочей, даже до одежды. Нужно, чтобы правительство поняло вновь свои коренные отношения к народу, древние отношения государства и земли, и восстановило их. Ничего более не нужно. Так как эти отношения нарушены только со стороны правительства, вторгнувшегося в народ, то оно может это нарушение отстранить. Это не трудно и не сопряжено ни с каким насильственным действием. Стоит лишь уничтожить гнет, наложенный государством на землю, и тогда легко можно стать в истинные русские отношения к народу. Тогда возобновится сам собою полный доверенности и искренний союз между государством и народом. Наконец, в довершение этого союза надобно, чтобы правительство, не удовлетворяясь тем, что мнение народное существует, само захотело знать это народное мнение и в известных случаях само бы вызывало и требовало от страны мнения, как это было некогда при царях».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1368213969932163>

О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ РОССИИ. Ч.3.

«Человек создан от Бога существом разумным и говорящим. Деятельность разумной мысли, духовная свобода есть призвание человека. Свобода духа более всего и достойнее всего выражается в свободе слова. Поэтому - свобода слова, вот неотъемлемое право человека»

К.С. Аксаков

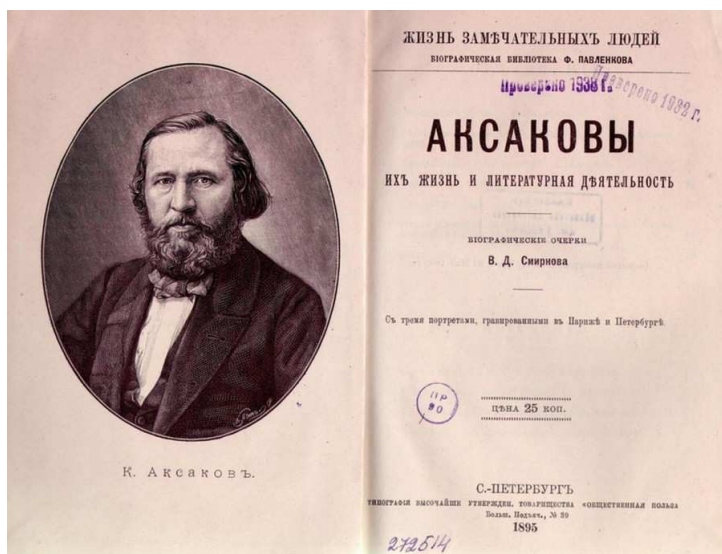
Рассмотрим заключительную часть записки К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» (1855), адресованной Александру II. В этом разделе Аксаков пытается найти решение главной проблемы России – отчужденности правительства от народа. Он полагает, что созывать Земский Собор еще рано, поэтому лучше начать собирать нарочные собрания того или иного сословия, когда представится вопрос, на который правительство сочтет нужным спросить мнение сословия. Также он считает, что необходимо снять гнет с устного и письменного слова, хотя при этом цензура должна остаться, чтоб охранять личность человека. Кроме того, незамедлительного решения требуют проблемы раскола, крепостного права и взяточничества. В результате, полагает Аксаков, восстановится древний союз правительства с народом, государства с землей. Приводим его рассуждения на эту тему:

«Я сказал, что правительству следует иногда самому вызывать мнение страны. Значит ли это, что нужно созвать Земский Собор?»

Нет. Созвать в настоящее время Земский Собор было бы делом бесполезным. Из кого состоял бы он? Из дворян, купцов, мещан и крестьян. Но стоит написать имена этих сословий, чтобы почувствовать, как далеки они в настоящее время друг от друга, как мало единства между ними. Дворяне полтора-два года как уже отделились от основ народных и смотрят на крестьян, большей частью, или с гордым презрением, или как на источник своих доходов. Купцы, с одной стороны, подражают дворянам и, подобно им, увлекаются Западом, - с другой стороны, держатся какой-то своей, ими самими установленной старины, которая носит жилет сверх русской рубахи, и при русских сапогах - галстук и длиннополый сюртук; такая одежда служит символом их понятий, представляющих подобную же смесь. Мещане составляют бледное подобие купцов; это самый жалкий класс во всей России и притом самый разнохарактерный. Крестьяне, давно удаленные от всякого соприкосновения с историей, участвуют в ней лишь податями и рекрутами: они одни преимущественно сохранили основы русского быта в его чистоте; но что могли бы сказать они, так долго молчавшие? На Земском Соборе должен быть голос всей Русской земли, а сословия дать теперь такого голоса не могут.

Итак, в настоящую минуту Земский Собор бесполезен и созывать его теперь не нужно. В настоящее время возможно и было бы истинно полезно, если б правительство созывало отдельные собрания сословий в известных случаях, по какому-нибудь вопросу, касающемуся отдельно того или другого сословия; например, собрание выборных от купечества по вопросу о торговле. Надобно, чтобы правительство созывало такие собрания нарочно с этой целью, предлагая тот или другой вопрос на обсуждение. Существующие собрания дворянства, купечества и мещанства получили уже особенный свой смысл в полуторастолетний период, - и мнение не привыкло быть на них правдивым и откровенным; оно не будет, может быть, таким даже и тогда, если бы правительство вздумало на них предложить какой-нибудь вопрос на рассмотрение.

Поэтому, думаю я, лучше собирать нарочные собрания того или другого сословия, когда представится вопрос, на который правительство сочтет нужным спросить мнения сословия. Такие собрания, как и Земские Соборы (когда Земские Соборы станут возможны), не должны быть обязанностью для правительства и не должны быть периодичны. Правительство созывает соборы и требует мнения, когда вздумает.

В настоящее время Земский Собор может быть для правительства заменен до некоторой степени общественным мнением. В настоящее время, в общественном мнении может правительство почерпнуть те нужные для него указания и сведения, которые яснее способен изложить Земский Собор, когда он будет возможен.

Давая свободу жизни и свободу духа стране, правительство дает свободу

общественному мнению. Как же может выразиться общественная мысль? Словом устным и письменным. Следовательно, необходимо снять гнет с устного и письменного слова. Пусть государство возвратит земле ей принадлежащее: мысли и слово, и тогда земля возвратит правительству то, что ему принадлежит: свою доверенность и силу.

Человек создан от Бога существом разумным и говорящим. Деятельность разумной мысли, духовная свобода есть призвание человека. Свобода духа более всего и достойнее всего выражается в свободе слова. Поэтому - свобода слова, вот неотъемлемое право человека.

В настоящее время слово, этот единственный орган земли, находится под тяжким гнетом. Наибольший гнет тяготеет над словом письменным (я разумею и печатное слово). Понятно, что при такой системе цензура должна была дойти до невероятных несообразностей. И точно, многочисленные примеры таких несообразностей известны всем. Надобно, чтоб этот тяжкий гнет, лежащий на слове, был снят.

Разумеется ли под этим уничтожение цензуры? Нет. Цензура должна остаться, чтоб охранять личность человека. Но цензура должна быть как можно более свободна относительно мысли и всякого мнения, как скоро оно не касается личности. Я не вхожу в обозначение пределов этой свободы, но скажу только, что чем шире будут они, тем лучше. Если найдутся злонамеренные люди, которые захотят распространить вредные мысли, то найдутся люди благонамеренные, которые обличат их, уничтожат вред и тем доставят новое торжество и новую силу правде. Истина, действующая свободно, всегда довольно сильна, чтоб защитить себя и разбить в прах всякую ложь. А если истина не в силах сама защитить себя, то ее ничто защитить не может. Но не верить в победоносную силу истины, значило бы не верить в истину. Это безбожие своего рода, ибо Бог есть истина.

Со временем должна быть полная свобода слова и устного и письменного, когда будет понятно, что свобода слова неразрывно соединена с неограниченной монархией,

есть ее верная опора, ручательство за порядок и тишину, и необходимая принадлежность нравственного улучшения людей и человеческого достоинства.

Есть в России отдельные внутренние язвы, требующие особых усилий для исцеления. Таковы раскол, крепостное состояние, взяточничество. Я не предлагаю здесь о том своих мыслей, ибо это не было моей целью при сочинении этой записки. Я указываю здесь на самые основы внутреннего состояния России, на то, что составляет главный вопрос и имеет важнейшее общее действие на всю Россию. Скажу только, что истинные отношения, в которые станет государство к земле, что общественное мнение, которому дается ход, оживя весь организм России, подействует целительно и на эти язвы; в особенности же на взяточничество, для которого так страшна гласность общественного мнения. Сверх того, общественное мнение может указать на средства против зол народных и государственных, как и против всяких зол.

Да восстановится древний союз правительства с народом, государства с землею, на прочном основании истинных коренных русских начал.

Правительству - неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая, народу - полная свобода жизни и внешней и внутренней, которую охраняет правительство. Правительству - право действия и, следовательно, закона; народу - право мнения и, следовательно, слова.

Вот русское гражданское устройство! Вот единое истинное гражданское устройство!»

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1369192933167600>

О СОВРЕМЕННОМ ЧЕЛОВЕКЕ

«В человеке есть разумное, сознательное начало личности, отделяющее его от природы. Это начало может возвести его до небес и низвергнуть до ада. Личность дана человеку с тем, чтоб он сознательно и свободно победил ее в себе и нашел для нее центр не в ней самой, а в Боге»

К.С. Аксаков

Эссе К.С. Аксакова «О современном человеке» было опубликовано уже после его смерти, в 1876 г. В этой работе русский мыслитель рассуждает о человеке и о том, как его личностное начало реализуется в различных цивилизационных мирах. Аксаков полагает, что начало личности само по себе является грешным, и человек должен преодолеть ее, найдя для нее центр в Боге. Важным этапом на этом пути является отказ личности от самой себя и соединение с другими личностями в обществе, высшим проявлением которого выступает община. По типу организации общества Аксаков противопоставляет славянские народы западноевропейским народам. Обратимся к его рассуждениям:

«В человеке есть разумное, сознательное начало личности, отделяющее его от природы. Это начало может возвести его до небес и низвергнуть до ада. Личность дана человеку с тем, чтоб он сознательно и свободно победил ее в себе и нашел для нее центр не в ней самой, а в Боге. Начало личности есть грешное начало, как скоро личность служит себе, и становится высоким подвигом, как скоро личность отрекается от себя и служит не себе, а отказывается от себя, полагая центр не в себе, а в истине и любви братской, и образует общество. В природе видим мы, с одной стороны, единицу, с другой - множество, и то и другое в численном, количественном отношении: ни единица, ни множество не имеют в природе самостоятельного значения, единица теряет во множестве, множество заслоняется единицею. Нет личности - нет и общества. Человек же, который есть сознательная единица, собственным сознательным подвигом должен образовать союз высокой любви, или общество. Этот подвиг, эта борьба личного греховного начала с началом благим, общественным, которое лишь при самоотвержении личности возможно и при котором просветляется себя победившая личность, - эта борьба наполняет всю жизнь человека и человечества и начинается для человека с самых первых дней рода человеческого...»

Естественное стремление человека - быть вместе. Стремление к общежитию встречается на самой первой ступени человеческого бытия: у самых диких народов есть общественный союз, союз натуральный, естественный, возникший из природы человеческой. Основания общественной связи здесь чисто природные. Единство одного происхождения, одной местности, одного климата и прочих естественных условий - вот первые основания общности, общественной связи, основания, не чуждые и животным, образующим стадо. Но человеческое общество и на самой первой ступени не есть стадо. К условиям природы благоразумной и бессловесной присоединяются в человеке условия разумной, говорящей природы человеческой. Первое единство, связующее людей в одно целое, есть единство языка, следовательно, единство разумения. Здесь является общительный элемент, элемент бескорыстный, у которого нет цели, выгоды, нет расчета, элемент, в котором важна лишь радость взаимного общего разумения. Разумение (этот неотъемлемый труд существа человеческого) по природе своей бездейственно быть не может, и вслед за природными немедленно вступают в свои права собственно человеческие условия: предания, обычаи, верования, - и зиждется быт

народа, вытекающий непосредственно из природы человеческой и народной особенности, составляющей основание естественного народного общества.

В быту естественном начало личности действует грубо, умеряясь чувством совокупности и глухо понимаемую общественностью. Дикарь готов служить своему эгоизму, но в нем живет естественное чувство племени, только обуздывающее этот эгоизм, и то в тех случаях, где выступает честь, выгода целого племени; там же, где нет этой узды, эгоизм человека действует с животного жадностью.

Первоначальный быт народа есть еще непосредственная человеческая природно-сознательная связь; в ней является целость непосредственной общественной жизни, хотя колеблемая бессознательно и случайно потребностью дальнейшего пути; все важные стороны жизни общественной здесь нераздельны с элементом общительным или общежительным, главная основа которого, как сказали мы, беседа, радость взаимного разумения. Но эта непосредственная целость общественной жизни, оставаясь подолгу у иных необразованных народов, не может быть удержана навсегда; общественность человеческая должна перейти в высшую область духа. При этом дальнейшем движении встречаются разные пути, смотря по тому, какое начало преобладает, общественное или личное.

Общественное начало и начало личное - различны и различно проявляются. Общественное начало предполагает личность и заключает уже ее в себе. По этому самому это уже есть начало полное и высшее. Общество без личности существовать не может; оно есть гармония личностей. Личность отказывается здесь от своего эгоизма и находит себя уже не как отдельная личность, а как любовная совокупность личностей; переставая быть центром, личность становится одним из лучей, согласно истекающих из общего любовного союза, невидимый центр которого в Боге. Он один, и только Он - один.

Общественное начало, выразившееся естественно, переходит в высшую область духа и является как общество. Мы уже определили значение общества. В общество (высшее явление человеческого духа) переходит естественная общественность. В обществе личность не подавляется, не исчезает (как думают, пожалуй, иные); напротив, здесь получает она свое высшее значение, ибо только личность, чрез отрицание самой себя как я, как центра, доходит до согласия личностей, до нового явления, где каждая личность является в любовной совокупности личностей; таким образом, акт общества есть акт совокупного самоотвержения. Только личность чрез высокий подвиг самоотвержения может образовать общество. Итак, личность в обществе не исчезает; она действует, но устремляясь не к себе, а к общему согласию; не теряясь, но находя себя, как согласная совокупность взаимно отречшихся от своей особеннности, взаимно самоотверженных личностей, слышащих себя в общем дружном союзе всех.

Таково общество в своем истинном смысле: здесь становится оно общиной. Община является в человеке как начало, к которому он стремится. Народ, понявший высокий смысл общины и взявший ее как начало, есть народ славянский и преимущественно русско-славянский народ, образовавший у себя "мир" еще до

христианства. Мы сказали, впрочем, что начало общины, проявляясь на земле отдельными общинами в народе, даже смыкая весь народ в одну общину, все же несовершенно. Высший, истинный образ общины есть церковь, община, объемлющая все человечество, переступающая конечные пределы и полагающая свое средоточие в Боге. Бог-Христос есть глава церкви, вечной, вселенской общины. Итак, вот проявление в человеке начала общественного, начала божественного, в Боге имеющего свое средоточие. Это единственное начало любви и добра. Это начало принял славянский мир.

Совершенно иное начало личности. Здесь личность является сама средоточием. При начале общественном средоточие лежит вне личности; при начале личном средоточие лежит в личности. Личность есть явление цельное, одно. Являясь в человеке и вообще в духе конечном, личность, имеющая средоточие в себе, привлекает к себе, как средоточие, все вне себя находящееся; лишь к себе стремится, лишь себя любит. Любовь к себе (эгоизм) исключает любовь к другим: весь мир, все личности служат ей питанием. Личность есть начало единого. И так как единый вне Бога есть явление конечное и ограниченное, то это конечное начало единого, не будучи в состоянии обнять весь мир, стремясь быть единым, все вне себя уничтожает. Начало личное есть начало зла; отношение личного начала есть вражда и ненависть. Один только Бог, и Он один есть любовь, ибо Он Бог и все объемлет. Он Один есть лицо, ибо Он один внеконечен, ибо Бог Один и Все. Один вне Бога есть сатана. Конечная личность только чрез самоотвержение, чрез отрицание себя в Боге достигает до Бога и до добра; единица личности, лишь отвергаясь себя как единицы, очищается и просветляется. Лишь чрез любовь, чрез самоотвержение, чрез общину и чрез церковь достигает конечная личность до Бога. Бог Один. Бог - Лицо, таинственно являясь в трех ипостасях».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1372073009546259>